В.Г. Озеров

КРОНШТАДТ- ФЕОДОСИЯ-КРОНШТАДТ

ВОСПОМИНАНИЯ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Воспоминания Валерия Григорьевича Озерова рассказывают о жизни и службе его отца Г. М. Озерова, честного русского офицера, которому довелось служить в сложный период нашей истории – 1903–1923 гг. Текст подготовлен внуком В. Г. Озерова Константином Григорьевичем на основе чудом сохранившихся рукописных фрагментов.

В. Г. Озеров происходил из семьи потомственных военных моряков (все его предки со времен Петра I служили на флоте), из которых наиболее известны контр-адмирал М. В. Озеров, командир броненосца «Сисой Великий» в Цусимском сражении, и под-штурман В. В. Сполохов, участник первого российского кругосветного путешествия под руководством И. Ф. Крузенштерна.

В книге рассказывается о жизни порядочного русского офицера, об истории родного города – Кронштадте. О сложных событиях на флоте, происходивших в годы 1-й мировой войны и революции 1917 года. Свидетельства В. Г. Озерова о Кронштадтском восстании 1921 года и оценка событий после него, приводимые автором в этих воспоминаниях, не всегда совпадают с мнением современных историков.

Записки эти, между тем, ценны для истории и её исследователей, потому как они – правда той эпохи глобальных потрясений жизни поколений российских людей, в которой не каждому дано было занять достойное место.

- Валерий Озеров
  -
  - От издателя
  - Вступление
  - Глава 1. Из истории города Кронштадта (1703–1917)
  - Глава 2. Копенское озеро. 1913 год
  - Глава 3. Первая мировая война на Черном море. В Феодосии (1914–1917)
  - Глава 4. Возвращение в Кронштадт. Февральская революция. 1917 год
  - Глава 5. Март 1917 года
  - Глава 6. Кронштадтское восстание. 1–18 марта 1921 года
  - Глава 7. Взрыв на форту «Павел» в 1922 году
  - Послесловие
- notes

- ○ 1
- ○ 2
- ○ 3
- ○ 4
- ○ 5
- ○ 6
- ○ 7
- ○ 8
- ○ 9
- ○ 10
- ○ 11
- ○ 12
- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44

- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63
- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80
- ○ 81
- ○ 82
- ○ 83
- ○ 84
- ○ 85
- ○ 86
- ○ 87
- ○ 88

- ○ 89
- ○ 90
- ○ 91
- ○ 92
- ○ 93
- ○ 94

Валерий Озеров
Кронштадт – Феодосия – Кронштадт. Воспоминания

© В. Г. Озеров, наследники, 2011

От издателя

Уважаемый читатель, эта книга была написана в 1960-х годах, но смогла увидеть свет только в 2011-м. Причин столь долгого пути рукописи до публикации несколько.

Во-первых, первый вариант мемуаров Валерия Григорьевича Озерова (1908–1967) пропал во время Великой Отечественной войны в г. Сталинграде. Дом, в котором жил автор, был полностью разрушен немецкими бомбами. Записи остались под развалинами. Впоследствии В. Г. Озеров много лет восстанавливал воспоминания, но, к сожалению, не успел подготовить свой труд к печати. Инфаркт оборвал его жизнь. Осталась лишь папка-альбом с сотней разрозненных листков машинописного текста, фотографиями и чертежами.

Во-вторых, при коммунистической власти в России опубликовать официально личные свидетельства о Кронштадтском восстании было практически невозможно. Тема сопротивления русского народа коммунистам всегда замалчивалась, а документы об этом были засекречены в архивах и спрятаны в спецхранах библиотек.

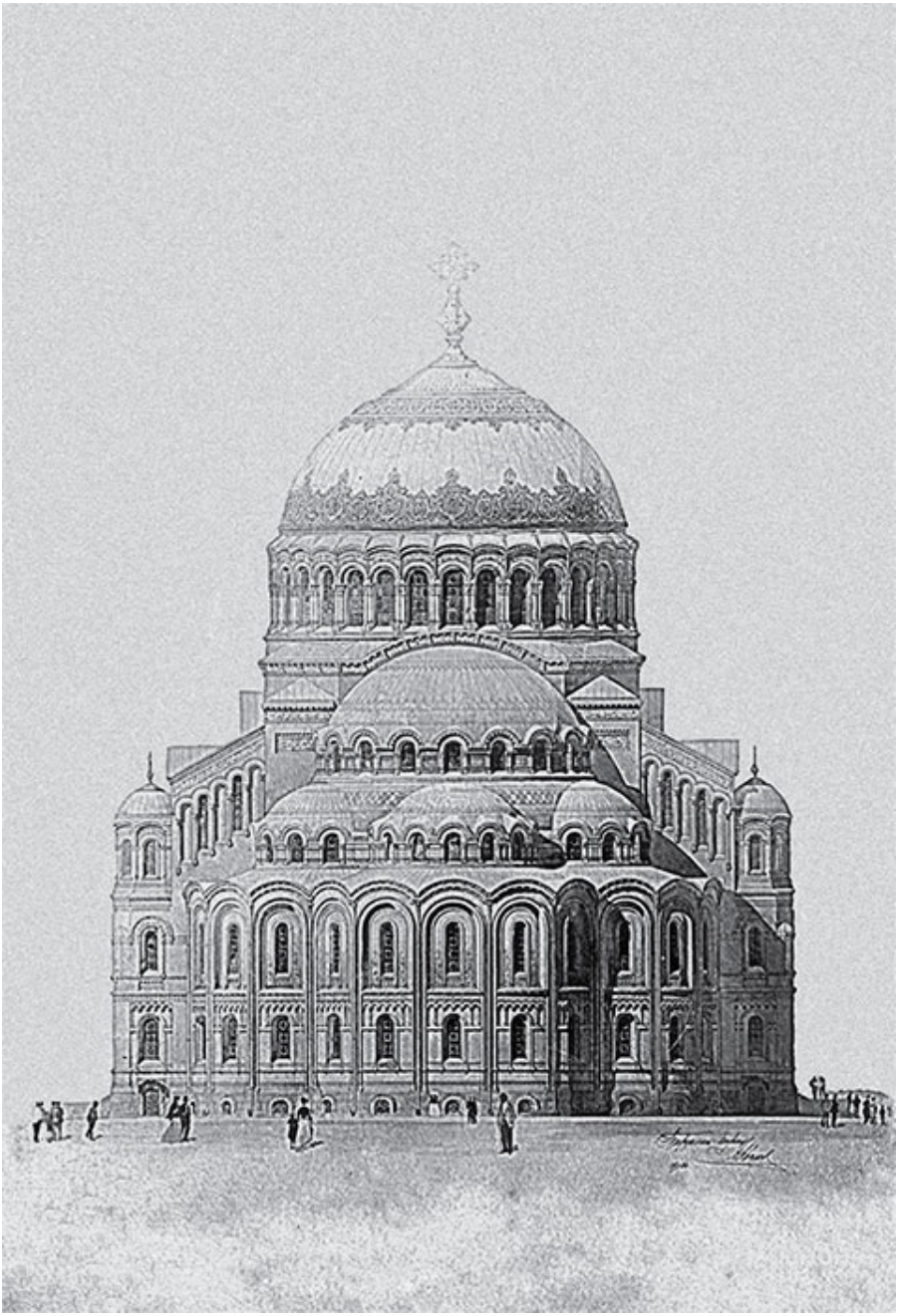
Константин Григорьевич, внук В. Г. Озерова, соединил сохраненные фрагменты его воспоминаний в одно целое и предложил их нашему издательству. Вместе мы подготовили комментарии и отобрали подходящие иллюстрации.

Необходимо сразу предупредить читателей, что ряд фактов, приводимых автором в воспоминаниях, не совпадает с мнением современных историков. Мы считаем, что со временем откроется полная картина событий, произошедших в Кронштадте в 1921 году, и вряд ли эта картина будет более радужной.

Также надо сказать несколько слов об авторе, чтобы лучше понять точку зрения, с которой он оценивал события. В. Г. Озеров происходил из семьи потомственных военных моряков[1] (все его предки со времен Петра I служили на флоте), из которых наиболее известны контр-адмирал М. В. Озеров, командир броненосца «Сисой Великий» в Цусимском сражении[2], и подштурман В. В. Сполохов, участник первого российского кругосветного путешествия под руководством И. Ф. Крузенштерна.

Дед В. Г. Озерова по матери, Алексей Федорович Ушаков, был членом городской думы и потомственным почетным гражданином Кронштадта.

Л. И. Амирханов



Морской собор в Кронштадте

Вступление

Когда я появился на свет (в 23 часа 30 минут 27 августа 1908 года по старому стилю), отец мой, офицер императорского флота, находился в заграничном плавании в Средиземном море у побережья Италии на эскадренном броненосце «Слава». Сам он потом мне рассказывал, что узнал о рождении сына в Неаполе, куда эскадра русских военных кораблей вернулась от острова Сицилия. Там наши моряки оказывали помощь несчастным жителям города Мессина[3], заживо погребенным за одну короткую ночь под развалинами домов после страшного землетрясения…

Только через полгода в середине 1909 года, когда русские корабли вернулись в Кронштадт, отец смог обнять меня… А потом он опять ушел на три месяца [в плавание] на крейсере 2-го ранга «Африка».

Мать и я остались в маленькой квартирке на втором этаже дома на Николаевской улице.[4] Квартирка, между прочим, была рядом с домом № 20, где значительно позже размещалась знаменитая, по выражению кронштадтцев, «двадцатка», а просто – ЧК[5].

Эскадренный броненосец «Слава» в Средиземном море. 1908 г.

Николаевский проспект в Кронштадте. Хорошо виден единственный пятиэтажный дом

Итак, я родился в городе Кронштадте. И очень доволен и счастлив, что моей родиной оказался именно этот город, и не променял бы его ни на какой другой на свете. Я счастлив, что именно мне, одному из немногих, выпало судьбой право родиться и жить в этом городе, да еще в раннем возрасте. В этом городе мне пришлось быть свидетелем трех революций: февральской, октябрьской и мартовской[6].

В Кронштадте я еще мальчишкой увидел всю правду жизни, ее изнанку, увидел и понял, на что способен человек, когда кончается власть и дисциплина и начинаются анархия и хаос…

В Кронштадте я узнал, что на свете есть и хорошие, и плохие люди…

В Кронштадте мне стало ясно, что на свете лучше всего никому не верить, и научился смотреть на все происходящее вокруг себя только с критической точки зрения…

Г. М. Озеров держит на руках своего сына Валерия Озерова

Самое дорогое в моих воспоминаниях – это то, что я видел и пережил сам, а этого за жизнь было много. Теперь, когда читаешь различные повествования о многих далеких событиях, упомянутых здесь, то радуешься – я сам это видел, меня не обманешь, и это было именно так, а не как в описаниях современности.

Я не могу спокойно читать данные о Кронштадтском мятеже, [7] или смотреть постановки и кино вроде «Оптимистической трагедии», особенно после последней переделки по вкусам 1964 года.[8]

Сейчас лишь немногие живущие видели все это «ВЗАПРАВДУ!» и… с каждым днем их становится меньше (…):

Моя жизнь была богата и приключениями, и происшествиями, и наблюдениями за жизнью моряков. Вспоминается многое. На южном и кавказских фронтах прослужил вторую мировую войну, был тяжело ранен, после войны более десяти лет проработал в Литве в должности заместителя министра связи, и только на склоне лет нежданно-негаданно попал в Нарву, на ретрансляционную станцию Москва – Нью-Йорк.

Мне кажется, что самые сильные впечатления не всегда связаны с общеизвестными событиями Например, из довоенной поры помнится случай. Один раз, кажется, в 1929 году я плыл на пассажирском пароходе «Чайка» из Ленинграда в Пейпия и мы были обстреляны 3-дюймовыми снарядами при маневрах флота. Наш пароход получил хороший удар около ватерлинии у носа. В

другой раз, поехав однажды из Кронштадта в Ленинград на пароходе «Буревестник»[9], мы разбились около 7-ми вечера о стенку морского канала, и в течение трех часов я занимался спасением людей (…). И спас 19 человек.

Работая на флоте, я встречался с очень многими, известными и хорошими людьми. Встречи с ними я также сохранил в своем сердце навсегда. (…) За жизнь своих родителей и свою собственную мне краснеть не приходится – я всегда любил и свою Родину и русских людей.

Хочу поделиться своими воспоминаниями о днях минувших и теперь мало кому известных, в основном, о годах трех революций, гражданской войны, хаоса, разрухи и голода.

Сейчас для нашего нового поколения все события «разложены по полочкам», с соответствующими пояснениями, тогда об этом и думать не приходилось – поэтому и мои изложения сильно отличаются от учебников и литературы.

Глава 1. Из истории города Кронштадта (1703–1917)

Преобразователь России Петр Великий при основании Санкт-Петербурга сразу обратил внимание на маленький островок Енисаари (Заячий), находящийся на Неве и заложил на нем нынешнюю Петропавловскую крепость. Заложил для того, чтобы запереть фарватер в реку и лишить возможности шведский флот подойти к столице. Заложенная 16 мая 1703 года крепость была 4 октября того же года уже готова.

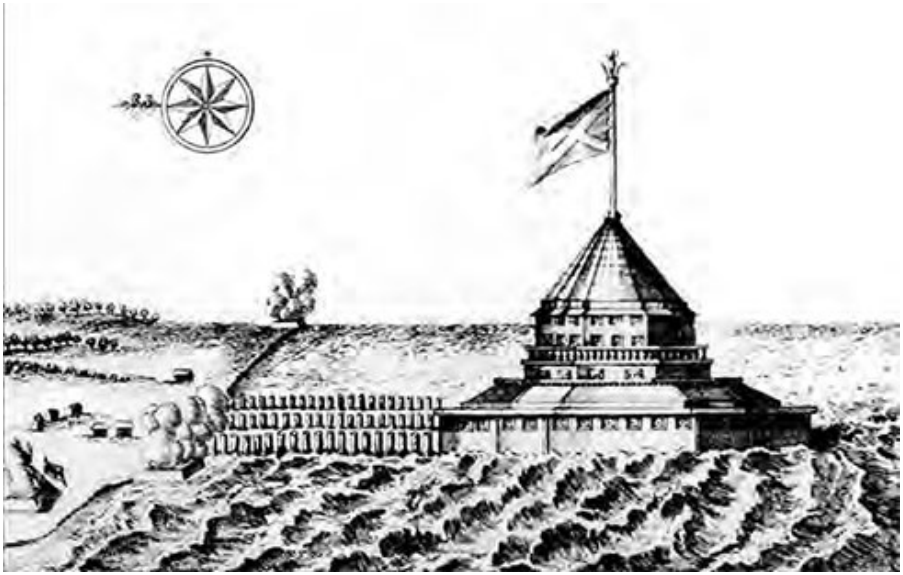
В этот день Петру донесли, что шведский флот отплыл на зимовку в Выборг, и он решил отправиться на рекогносцировку и наткнулся на остров Ретусаари, который позже назвали Котлин. На острове сохранилось предание, что при постройке города в лесу нашли котел, вероятно оставленный шведскими матросами с эскадры вице-адмирала Нуммерса, которые посещали остров во время блокады устья Невы. Отсюда и пошло название Котлин.[10]

Петр обмерил залив вокруг острова и заметил, что фарватер идет южной стороной, а отмель Ораниенбаумского берега (южного) подходит близко к фарватеру, который очень узок. Родилась новая мысль – на мелкой воде (отмели) сделать искусственный островок и на нем построить крепость для защиты морского фарватера с юга.

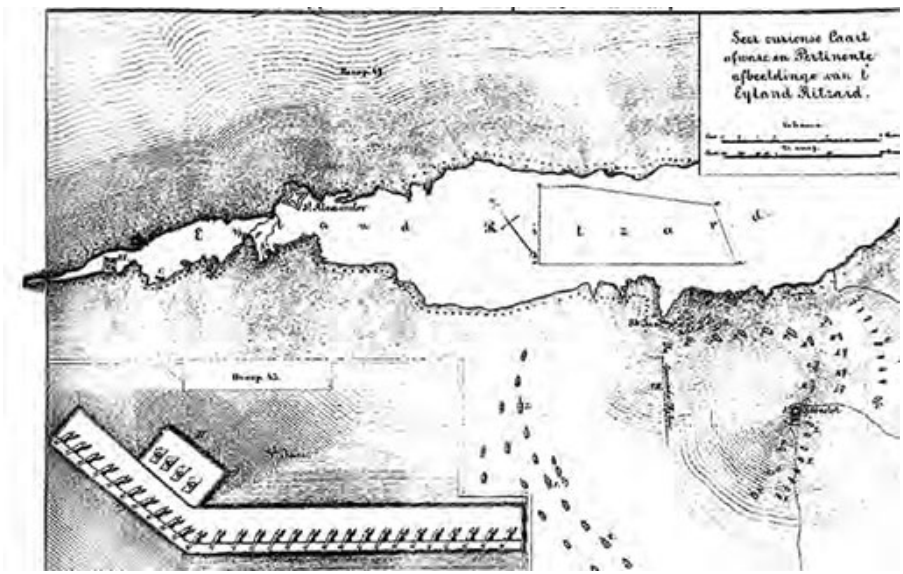
Уже 7 мая 1704 года мысль Петра превратилась в действительность, и на насыпанном островке высилась крепость Кроншлот (коронный замок). Тем временем в спешном порядке строился флот, который потом каждый год выходил к Кронштоту и стоял там на защите границ. Это было неудобно, и вскоре Петру пришлось строить на Котлине торговый порт вместе с гаванью, доками, городом и крепостью.

Петропавловская крепость послужила основанием Санкт-Петербурга, Кронштот предшествовал созданию Кронштадта. Существуют две даты возникновения города – 7 мая 1704 года и 16 января 1713 года.

Двухсотлетие Кронштадта отпраздновали в 1913 году, но собирались сделать это в 1904 году – помешала тяжелая русско-японская война. Тогда годовщину приурочили к дате Петровского указа о заселении Кронштадта в 1713 году[11]. Во время праздника 200-летия праздновалось и еще одно событие, – освящение построенного морского собора, самого большого и высокого здания города.



Форт Кроншлот. Гравюра петровского времени



Укрепления Котлина в 1705 г.

Н. А. Каразин. Ледяной путь Ораниенбаум – Кронштадт. Середина XIX в.

Сам по себе остров Котлин очень невелик, имея длину 7 верст (верста – 1,0668 км) и ширину не свыше полутора. Почти с самого основания города ему был присвоен герб, на котором были изображены котел и маяк.

Шведы, конечно, скоро спохватились, разобрав, что строит ненавистный им Петр, но уже было поздно, и их попытка в 1705 году завладеть Кронштадтом не увенчалась успехом. Эскадра адмирала Анкенштерна отступила перед кораблями Петра под командой адмирала Крюйса и батареями Кроншлота […] на Котлине. Высаженный шведами десант был сброшен в море солдатами полковника Толбухина. Впоследствии на крохотном островке вдали от западной оконечности Котлина был выстроен маяк и назван Толбухиным. Он существует и поныне.

31 августа 1721 года появился указ Петра об учреждении почты между Санкт-Петербургом и островом Котлин. Сообщение разделялось на зимнее и летнее время. Зимой 25 верст по льду и летом – по части Финского залива, называемого Маркизовой лужей.[12]

Существовали две зимних дороги в Кронштадт, одна из Петербурга, и другая – из Ораниенбаума. Они обсаживались елочками, чтобы никто не заблудился во время сильных метелей. Кроме того, по пути стояли будочки, в которых сторожа в метели били в колокол. В шестидесятых годах прошлого столетия посередине дороги на сваях был выстроен кабак, где можно было выпить рюмку водки, закусить пирожком и даже погреться у камелька.

Летом переправлялись на гребных и парусных судах.

Петербуржцам, желавшим зимой попасть в Кронштадт, надо было идти на Козье болото в малой Коломне[13] около Торговой улицы и храма Воскресения. […] Их перевозили на санках, запряженных парой лошадей с брезентовым верхом и сеном внизу, покрытых дорожкой или ковром. Чухонские лошадки везли около двух с половиной часов. Были попытки строить железную дорогу по льду из Ораниенбаума в Кронштадт, но купец Солодовников[14], затеявший это дело, прогорел при пробе дороги. Во время западных ветров и штормов льды ломались, трескались, проложенные рельсы раздвигались, и сообщение прерывалось…

В 1815 году был построен первый в России «Стимбот», так хотели назвать тогда пароход, но название не привилось. 3 ноября 1815 года была совершена первая пробная поездка: выйдя из Петербурга от Бердовской пристани (у Франко-Русского завода)[15] в 6 часов 55 минут, «Стимбот» в 10 часов 30 минут утра подошел к военному углу гавани в Кроштадте и на весь путь затратил три с четвертью часа[16].

Прибытие в Кронштадт парохода из Ораниенбаума. Открытка конца XIX в.

В 1816 году на столбцах газеты «Санкт-Петербургские Ведомости» появилось объявление: «Судно, называемое пароход, по вскрытии водяной поверхности будет отправляться ежедневно из Петербурга в Кронштадт в 9 часов утра, а обратно оттуда в 5 часов дня». Несколько позже на обеих пристанях появились и первые правила езды на пароходах – они заключались в девяти пунктах, из которых я привожу самые интересные: «Так как во

время плавания от принятия на пароход и снятия с оного пассажира происходит остановка и пустая трата дров, то без изъятия каждый пассажир после отвала или сходящий с прибытия парохода на место платит за переезд 10 рублей». И еще: «За проезд платится в одну сторону пять или два рубля, но за какую из цен сих может ехать пассажир зависит единственно от выдающего билеты, которому предоставляется право принимать на пароходы и без платы таковых, которые явно не в состоянии платить два рубля»…

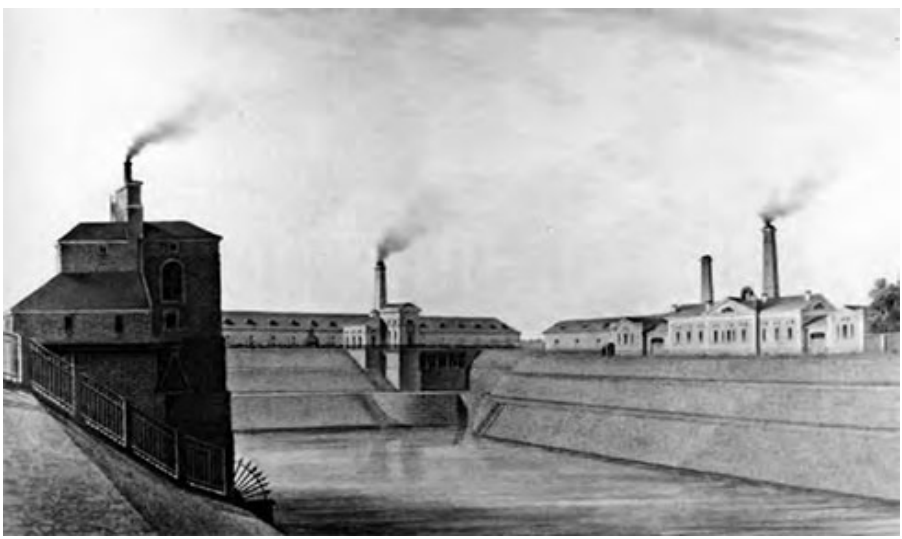
В 1835 году сделано первое объявление об открытии пароходного сообщения между Кронштадтом и Ораниенбаумом, но первый рейс почему-то состоялся только 5 июля 1850 года.

В 1884 году купец Сидоров прорыл канал в Ораниенбаум от пристани почти до самого вокзала, и сообщение стало еще удобнее. Затем стали появляться винтовые пароходы и начались попытки продлить судоходство и во время ледостава и ледохода. На верфи купца Бритнева[17] были построены первые пароходы ледокольного типа «Луна» и «Заря», которые значительно продлили навигацию до Кронштадта. В начале нашего столетия (XX века. – *К. О.)* сообщение Кронштадт – Петербург поддерживалось большими колесными пароходами: «Утро», «Русь», «Олонец» – ходившими ровно два часа. На линиях Кронштадт – Лисий Нос, Петергоф и Ораниенбаум ходили пароходы поменьше и частью винтовые, рейсы их длились от 30 до 50 минут.

Доковый овраг и «макаровский» мостик. 1920-е гг.

Маркизова лужа очень мелкая, и если глубина Невы

колеблется от 5 до 8 саженей (сажень – два метра) и доходит в устье до 3 саженей, то средняя глубина только фарватера лужи равна 8–10 футов (в сажени 7 футов), при ширине около 10 сажень. Вне фарватера по всей этой части лужи глубина не более 5–6 футов. Из-за такой незначительной глубины напрямик из Петербурга в Кронштадт ходят только колесные пароходы и то по фарватеру, ограниченному буями и вехами. Морские корабли раньше должны были разгружаться в Кронштадте, перетаскивая грузы на лихтера и баржи. Это обстоятельство с Петровских времен подняло значение Кронштадта, как торгового порта, а городские купцы быстро разбогатели. Но перегрузка товаров значительно увеличивала стоимость перевозки грузов.



Л. Премацци. Доковый бассейн и насосные станции. Первая половина XIX в.

Над этим уже задумался Петр и начал постройку морского канала, который бы дал возможность морским кораблям войти непосредственно в устье Невы. […] Канал закончили в 1885 году. Перегрузка товаров окончилась, торговый порт Кронштадт потерял свое значение, а некоторые купцы разорились.[18] Канал имеет в длину 25 верст и глубину в 20 футов, но к 1908 году глубину увеличили до 25 футов, а в настоящее время он и еще глубже. На мелководном пути от Петербурга купола Исаакиевского и Морского соборов служат как бы маяками, а пароходы ходили от Николаевского моста (теперь мост лейтенанта Шмидта[19]) до пассажирской пристани в Кронштадте.

Петр Великий помимо крепостей, гаваней, города и торгового порта начал на острове Котлин строить и доки для ремонта

военных кораблей. Это строительство не прекращалось с тех времен до 1914 года, поскольку военные корабли строились все больших и больших размеров. Первые доки были закончены в 1752 году во время царствования императрицы Елизаветы. Вода выливалась из этих доков с помощью ветряных мельниц и конных машин до 1774 года. В 1774 году привезли из Шотландии «разные чугунные части для сооружения огнедействующей машины».

Доковый бассейн. Фотография сделана с галереи Кронштадтского Морского собора в 2002 г.

Ее установили около специального бассейна существующего и поныне. Это была первая паровая машина в России и одна из самых больших в Европе в то время. Первый капитальный ремонт дока и машины проводился в 1858 году. Машина проработала без малого сто лет. В результате реализации идей Петра Великого в Кронштадте были построены в разное время пять доков для различных кораблей. Строительство начал Петр и заканчивал Николай II.

Одним из самых интересных является Петровский док. Он представляет любопытное гидравлическое сооружение и прекрасно сохранился до наших дней, служа замечательным памятником Петровской эпохи. Был прорыт канал, установлены шлюзовые ворота и возник вопрос: как освободить канал и док от воды после ввода туда корабля. Паровой машины еще не существовало. И. фон Люберас, инженер, окончивший позднее всю постройку, говорил: «Спустить воду в количестве 275 000 сорокаведерных бочек весом в 9 830 579 пудов за 24 часа

невозможно». «Пока выкачивали бы воду помпами ручными и конными, – потребовалось бы три с половиной месяца, и все это время корабль стоял бы в доке бесполезно»…

Но выход из положения был найден: выкопали овраг в 15 саженей глубины (он существует и сейчас) от дока к бассейну, сделанному в конце оврага. Открывали ворота дока, и вода за 24 часа выливалась через овраг в бассейн. Такого сооружения не знали на всем свете. В таком виде док работал долго. Сейчас он существует, но на бассейне установлена машина для откачки из него лишней воды. Сам док сделан в виде простого креста и может принять сразу несколько небольших кораблей. В овраге этого дока был убит во время февральской революции адмирал Вирен[20], в бассейне этого дока мы мальчишками купались по целым дням своего детства. Кроме Петровского были построены еще четыре дока: Константиновский в 1876 году с размерами 149,5 на 35 и 9,6 метров, Николаевский, законченный в 1884 году, Александровский в 1896 году с размерами 183 на 38 и 11,1 метров, и Алексеевский, законченный только в 1914 году, с размерами 262 на 36 и 10,7 метров.[21] Тогда он был самым большим доком в Европе.

Водопровод возник в Кронштадте в 1804 году и был одним из первых в России. Устроило его морское ведомство, трубы были проложены деревянные.[22] В 1838 году их сменили на чугунные и установили колонки для разбора воды жителями города.

В 1886 году начались переговоры в Кронштадтской думе о расширении сети водопровода и постройке новой водокачки. На одном из заседаний, после разъяснения вопроса строительства раздались крики домовладелиц города, то есть представительниц слабого пола… Они все возмущенно протестовали против строительства. Когда голова города задал вопрос почему они протестуют, среди женщин, а их было большинство, раздался опять единодушный крик: «Не надо!». «Чего не надо?» – спросил опять голова. «А вот этого самого водопровода не надо!» – кричали они. «Нечего в городе новости вводить! Жили на горе (район города. – *Авт.),* жили на Козьем болоте, водовозы воду возили и все было по-божески, – а тут еще огнем воду пущать!» – звучало долго по всей думе, и голова был вынужден закрыть заседание…

Здание водокачки. Сейчас здесь находится Музей истории Кронштадта. Открытка начала XX в.

Л. Премацци. Казармы Гвардейского экипажа. Середина XIX в.

Вопрос был, конечно, решен, но позже, в 1894 году, когда построили 23 версты водопроводной сети и новую водокачку. Вода бралась для водопровода из Невского фарватера и была в тихие дни чистой и пресной. В дни бурь и западных ветров, дувших с моря, она становилась мутно-грязной и, главное, горьковатой от морской соли, и употреблять ее для кушанья и питья было невозможно. В Кронштадте даже существовал особый промысел по снабжению жителей Невской водой. Эта вода привозилась из Петербурга и продавалась в рыбных рядах по цене 4 копейки ведро… Это явление осталось надолго в городе, и даже в тридцатых годах нашего столетия вода продавалась, только менялись цены…

После мартовской революции, когда в результате боев за Кронштадт полегло под лед свыше 15 000 бойцов с большим количеством кавалерии[23], вода была отравлена долгое время, а при проходе пароходов колесами, винтами и волнами поднимались со дна мелкого моря вздутые трупы людей и лошадей, распространяя отвратительное зловоние… В тот год остатки кронштадтцев пили воду только из бочонков-анкерков, привезенных «Водолеем».

Рядом с Николаевским доком расположен пароходный завод, построенный в 1857 году и являющийся первым таким предприятием в России. Для устройства гаваней и доков в Кронштадте были использованы сперва пленные шведы, а потом пригнали из разных губерний до 32 000 людей. Прежде всего

была построена военная гавань, обрамленная гранитными стенками и набережными. Выстроили также купеческую и лесную гавань. Для флота в городе было построено много трехэтажных домов – казарм флотского экипажа, там размещались зимою экипажи кораблей. Население города в 1908 году достигало свыше 46 000 человек, а к моменту начала первой мировой войны оно с войсками достигло 75 000.

В Кронштадте было свыше десятка церквей и соборов различных вероисповеданий: православные и русско-эстонские, католические, протестантские и магометанские. За городом имелось несколько больших кладбищ: морское, военное, гражданское, немецкое и заразное.

Морской собор построен по проекту архитектора В. А. Косякова и является почти копией с храма Святой Софии в Константинополе. Строился 11 лет с 1902 года по 1913-й. Размеры 83,2 на 64 метра, при высоте с крестом 70,6 метра. Он расположен на самой большой площади в городе – Якорной, ограниченной с одной стороны доковым оврагом. С другой стороны – высокой стеной Петровского дока, обвитой всегда диким виноградом, и улицей, мощеной чугунными торцами-плашками.[24] За собором построена специальная электростанция для торжественных богослужений, направо к оврагу установлен памятник вице-адмиралу Макарову с лозунгом: «Помни войну». Макаров показывает рукой на север, напоминая о своем ледоколе «Ермак», построенном для полярных исследований. В соборе вокруг всего объема имеется панель с именами и изображениями морских сражений и прославившихся моряков.

Кронштадтский Морской собор и памятник С. О. Макарову. Открытка начала XX в.

Имелся еще Андреевский собор, построенный в 1817 году.[25] Он являлся очень интересным памятником зодчества и старины, но по прихоти председателя горисполкома, без разрешения властей был сломан в 1932 году.[26]

В городе Кронштадт имелось несколько памятников: «В память погибшим на клипере “Опричник” в Индийском океане в декабре 1861 г.» и в честь мичмана линейного корабля «Азов» А. А. Домашенко, погибшего при спасении матроса, упавшего в море во время шторма. Оба находятся в Летнем саду. Памятник «Петру Первому – основателю Кронштадта» в Петровском парке на берегу военной гавани открыт 27 июня 1841 года в 132-ю годовщину Полтавской победы. Автор проекта – французский скульптор Н. Жак. Отлита статуя из бронзы профессором П. К. Клодтом. Памятник вице-адмиралу Макарову на постаменте из гранитной скалы весом в 10 000 пудов. Скала извлечена из бухты Питкопас со дна рейда Штандарт. Сам памятник изготовлен скульптором Л. В. Шервудом.

Андреевский собор

Отец Иоанн Кронштадтский

В Кронштадте имелись: реальное училище, мужская гимназия, женская гимназия и прогимназия, инженерное училище флота, два приходских училища и десять начальных школ. Ремесленное училище, школа юнг, фельдшерская школа и две специальные портовые школы с общим количеством учащихся свыше 4000 человек.

Весь город обслуживался огромным морским госпиталем, имелась амбулатория и несколько приютов для сирот-детей. Ввиду большого количества домов терпимости была построена специальная больница для проституток.

В городе выходили две газеты: «Кронштадский вестник» и «Котлин». В прошлом веке в городе жили поэт С. Я. Надсон[27] и был временно в ссылке писатель В. Г. Короленко.[28]

С 1855 по 1908 год в Андреевском соборе служил знаменитый на всю Россию и заграницу отец Иоанн Кронштадский.[29] Он написал книгу «Моя жизнь во Христе». К отцу Иоанну ехали богомольцы со всех концов России и в больших количествах, немало приезжало и из-за границы…

Интересен один исторический факт из жизни Кронштадта: в Санкт-Петербурге с середины 1890-х годов был введен Николаем II «Сухой закон», то есть указ государя, запрещавший продажу алкогольных напитков по праздникам. В царской России их было ни много, ни мало, но свыше 80-ти…

На Кронштадт этот закон не распространялся. И вот к потоку богомольцев, ехавших к отцу Иоанну со всех губерний, присоединился поток любителей выпить из Санкт-Петербурга, ехавших к богу Бахусу. «Богомольцы» приезжали в город рано утром и напивались в кабаках и трактирах, а иные покупали вино в погребках Шитта и Шталя и распивали его около пристаней на травке, боясь опоздать на последний пароход… В эти годы Кронштадт продавал колоссальное количество спиртных напитков…

Въезд в город в первом его столетии был вообще свободным, потом стали требовать прописку и пропуск, а затем, к концу 1930-х годов, после выселения большинства жителей, в него попасть стало вообще очень трудно: «Как в царствие небесное», – шутили тогда кронштадтцы. Город всегда был уединен от внешнего мира, и это накладывало на него особый отпечаток, который не просто выразить словами…

Сам город и порт расположены в восточной и наиболее широкой части острова. Я участвовал в переписи жилой площади и количества домов в Кронштадте в 1922 году, и тогда в нем было 375 домов, не считая казенных зданий и казарм. Остров Котлин окружен большим количеством насыпных и естественных островков с севера, юга и востока. Никаких возвышенностей на всех островках нет, лесов тоже. Если встать в устье Невы и смотреть на Финский залив, то по правую руку будет северный Финский берег с железной дорогой от Новой деревни на Лахту, Лисий нос и Сестрорецк. На этой же стороне уединенно стоят два форта «Тотлебен» и «Обручев»[30], охраняя полосу залива с северной стороны.

Остров Котлин был опоясан сетью железных дорог, нормальной, средней и узкой колеи разных назначений: пассажирских, торговых и крепостных.

От Санкт-Петербурга по южному берегу Маркизовой лужи шли морской канал Петра Великого и железная дорога со станциями: Дачное, Стрельна, Лигово, Сергиево, Старый

Петергоф, Новый Петергоф, Мартышкино и Рамбов, так называли тогда Ораниенбаум, теперь переименованный в Ломоносов. Далее дорога шла на Лебяжье и Красную Горку, а затем через Котлы на Веймарн и опять на Петербург уже через Волосово. Этой кружной дорогой пользовались чухонки, привозившие в столицу молоко по утрам. Поезда ходили до Рамбова, до крепости Красная Горка[31].

В семидесятые годы XX столетия, в годы развития военной техники, межконтинентальных ракет и другого смертоносного оружия, в годы создания больших запасов ядерного и водородного вооружения, вся старая система обороны столицы потеряла всякое значение. Я хочу немного рассказать о системе обороны начала [двадцатого] столетия, системе от которой не осталось и следа…

Если на этом не остановиться, многое в моих очерках будет непонятным. Оборона сводилась к следующему: в случае объявления войны на Балтийском море и его заливах – Финском и Ботническом – в первую очередь создавались сплошные полосы минных заграждений при входе в оба залива и, кроме того, в Рижском и около Котлина. Это могло быть произведено быстро, в течение нескольких дней. К концу первой мировой войны такая оборона состояла из 75 000 мин. Затем в Финском заливе имелись две отличные современные крепости, одна напротив другой. На северном берегу под названием Ино и на южном берегу – Красная Горка и Серая лошадь. Эти крепости огнем своих орудий главного калибра полностью перекрывали все пространство залива и любой флот, прорвавшийся через минные пояса, попадал под заранее пристрелянные цели с обоих берегов. Этому огню помогали еще батарея Пумола[32] и форт Риф, первая – на северном берегу, второй – на западной оконечности Котлина. Далее вокруг Котлина имелся целый ряд батарей из серии «нумерных», северных и южных, с артиллерией среднего калибра, заграждающий путь мелким кораблям вроде мониторов, канонерских лодок и миноносцев. Эти батареи полностью отрезали вход в фарватер и морской канал на столицу, кроме того, исключалась возможность пройти Котлин и с северной стороны, то есть между островом и финском берегом. Для этой цели имелись форты Обручев и Тотлебен в нескольких верстах от Кронштадта. А дальше уже шло мелководье Маркизовой лужи вплоть до самой столицы.

Мой краткий очерк истории Кронштадта кончается и остается добавить немногое: Кронштадт – городишко небольшой, провинциальный, без особых удобств и претензий, захиревший после открытия морского канала и живущий на щедроты богомольцев, приезжавших к отцу Иоанну, и помощь морского

министерства. Но Кронштадт, во-первых, база всего Балтийского флота, во-вторых, защищает подступы к столице и укреплен, как говорится, до зубов, и, в-третьих, является лучшим военным портом в России…

В Кронштадте все создано для флота, для его обслуживания, а город существует как необходимый придаток, не больше…

Сравнить Кронштадт с любым портом того времени: Либавой, Гельсингфорсом, Ревелем, Ригой, Аренсбургом, Одессой, Николаевым, Севастополем, Феодосией, Керчью, Новороссийском, Владивостоком и Мурманском нельзя…

Кронштадт – город изолированный, в нем все подчинено флотским распорядкам и жизни.

В моей памяти остались многие события… Как забыть отправку в 1922 году на слом в Германию многих кораблей флота? Я успел побывать на всех и со всеми попрощаться… Как сейчас помню жаркий летний день, я сижу на переднем марсе броненосного крейсера «Адмирал Макаров» и реву вовсю самыми настоящими слезами – так мне жалко хороших боевых кораблей.

К этому времени в Кронштадте осталось очень мало кадровых старых матросов, и корабли больше жалеть было некому.

Помню один день в Батарейной бухте, где в камышах стояли выброшенные на берег тральщик «Подсекатель» и подводная лодка «Вепрь». Я тогда забыл все на свете и целый день проиграл на их палубах и в ободранных кубриках и машинных помещениях. Охота, за которой я приехал с одним моряком, меня уже не прельщала совсем…

Любимым местом у меня был тихий уголок в угольной гавани, где стояли все недостроенные или законсервированные корабли флота. Это место у моряков называлось «кладбищем», и оно оправдывало свое название: было неестественно тихо, редко-редко сюда заходил какой-нибудь буксир или катер, а угля в гавани уже давно не было и только часть кораблей, очень небольшая, находилась под парами в 4-часовой готовности. Здесь у одного из пирсов стоял недостроенный, выкрашенный еще красноватым суриком эсминец типа «Новик».

На этом эсминце я провел немало интересных часов совершенно один, то, воображая себя командиром, то минером или машинистом. У меня не было ни братьев, ни сестер, своих товарищей я не мог брать с собой (их бы попросту не пропустила стража в воротах) и я научился играть и мыслить один. Это вообще наложило на меня некоторый отпечаток еще с детства, и я до сего времени не знаю, что такое скука и умею всегда себя занять сам…

Пользуясь своим чересчур обширным знакомством с

моряками, я совал свой нос повсюду и знал очень многое. В дни налетов авиации я помогал вахтенному на сигнальной мачте инженерного училища поднимать на стеньгу флаг «Ижица», означавший налет вражеской авиации. После конца бомбежки первым бежал в город или порт смотреть «воронки» от бомб. Любимым местом купанья у нас мальчишек был опытный водолазный бассейн в конце оврага за мостиком. Он был глубоким и большим, и мы все научились в нем хорошо плавать и проводили по несколько часов в воде…

Зимой я часто ходил с моряками на буерах, а летом на яхтах и мог уже управлять небольшой яхтой самостоятельно…

Много событий в городе прошло на моих глазах: пожар лесной биржи, длившийся трое суток и уничтоживший весь запас корабельного леса, пожар таможни, взрывы на форту «Павел», продолжавшиеся день и ночь (их устроили молодые моряки с крейсера «Аврора»), гибель крейсера «Олег»[33], восстание на форту Красная горка, наконец, на всю жизнь запомнившиеся слова большевистских вождей[34] накануне Кронштадтского мятежа: «Мы вас всех как куропаток перестреляем!» и сам мятеж, длившийся две недели, и затем жестокая расправа над моряками.

Глава 2. Копенское озеро. 1913 год

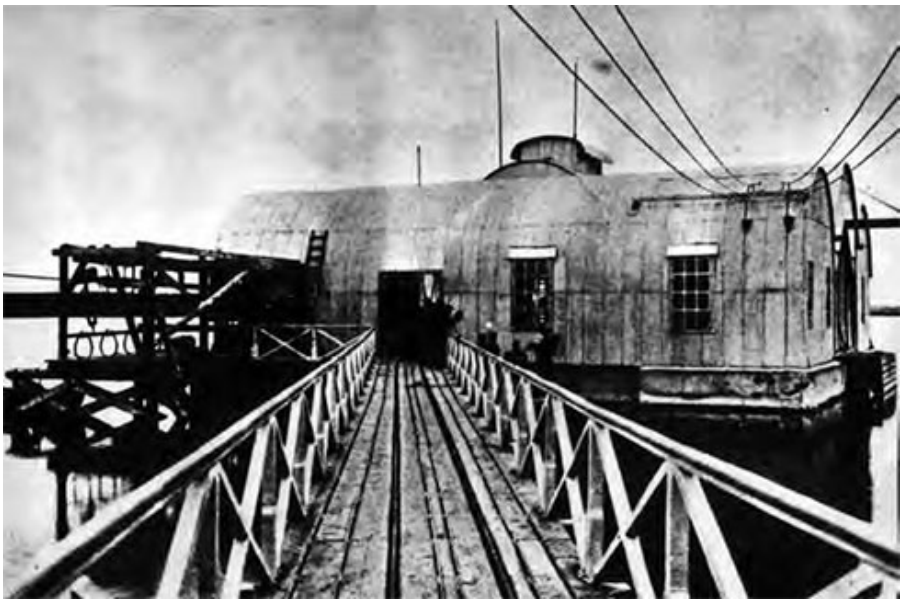
Мне идет пятый год, примерно к этому времени относятся и мои первые детские воспоминания и впечатления. Мы едем на лето к папе на работу на маленьком кургузом теплоходе «Копанец»[35] из Кронштадта на Копенское озеро. Оно находится в версте от берега Копорского залива у пристани «Пейпия». Иногда «Копанец» заменяется маленьким и стареньким миноносцем № 113.[36] Миноносец меньше качает на пятичасовом переходе из Кронштадта. Интересно отметить, что этот миноносец мне пришлось последний раз еще увидеть в Ленинграде в 1928 году, выброшенным на берег Крестовского острова у Елагина моста. «Копанец» же долго служил в Кронштадском порту, потом был модернизирован (с него сняли полубак) и, кажется, существует и в наше время.

От озера к пристани есть два пути: узкоколейная железная дорога с крохотным паровичком, двумя пассажирскими вагонами и несколькими платформами для перевозки торпед и грузов. Второй путь – это подвесная воздушная дорога, подвешенная на высоких мачтах[37] над морем, лесом и озером. Дорога имеет тоже два вагончика для людей и несколько тележек для торпед. По воздуху можно добраться в любом направлении гораздо скорее, чем на паровозе, ведь ему приходится одолевать довольно крутой подъем от моря в гору в лес. Но у воздушной дороги есть и свое небольшое «но»! Если «заест» где-нибудь канат, по которому катятся колесики вагончиков, то можно болтаться над морем или лесом часами на изрядной высоте. В сильный ветер это не доставляет никакого удовольствия, даже для любителей сильных ощущений…

На озере расположена минно-пристрелочная станция,[38] отец – ее начальник. Озеро длинное, около 8 верст, а ширина доходит в одном месте до двух. Глубина достигает 15 метров. Со всех сторон озеро окружено лесами и благодаря этому на нем бывает мало волны в бурные дни. За ним к югу расположены еще два озера: Глубокое и Бабенское, они уже поменьше. Вокруг Копенского в лесах на довольно порядочных холмах расположено несколько деревень: Большое и Малое Стремление, Пейпия, Урмизна, Заозерье и Копанцы. Видимо в честь деревни или озера и назван теплоход таким редким именем как «Копанец». А вообще-то все эти места – глушь изрядная, и ближайшие крупные села Копорье и Котлы и город Ямбург (ныне Кингисепп) находятся от озера далеко…

В полуверсте от берега на озере построена сама станция, на

берегу расположены все вспомогательные службы: электростанция, водокачка, компрессорная, кочегарка, склады, пекарня, баня и депо узкоколейки, а также несколько двухэтажных жилых домов. Большая территория поселка обнесена высоким забором колючей проволоки с калитками и воротами, закрывающимися на ночь.

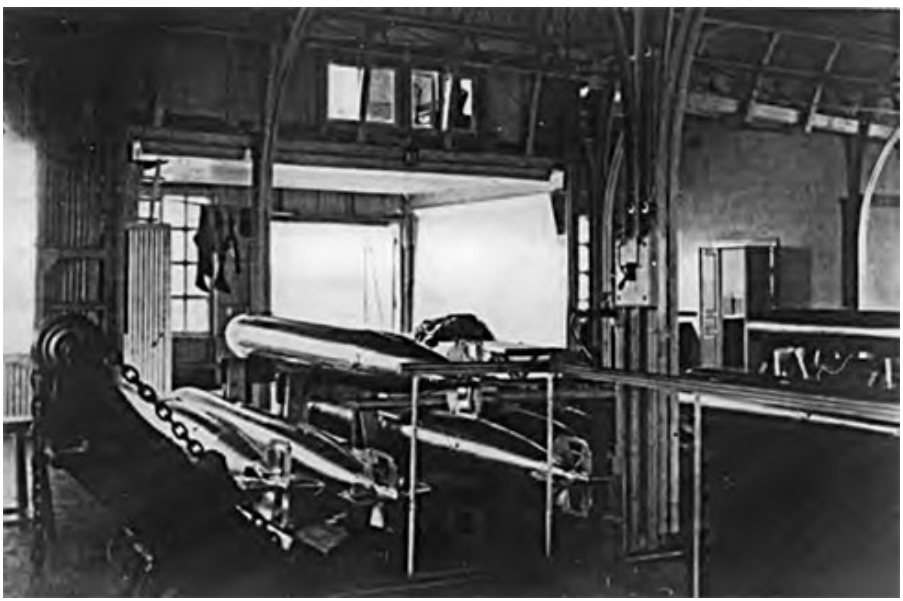


Эстакада и часть пристрелочной станции на Копенском озере. Из собрания Н. Н. Афонина

Сама станция построена из железобетона[39] и скрыта со всех сторон оцинкованным гофрированным железом. На станции – вышка в три этажа, и на каждом этаже установлены подзорные трубы для наблюдения за ходом торпеды, которая при прохождении под водой оставляет за собой след в виде пены из крупных пузырей воздуха отработанного машинным отделением. На станции имеются подводные и надводные аппараты. Из них стреляют торпедой по щитам вдоль озера, установленным один за другим через каждую версту. Щит – это целое сооружение в несколько саженей длиною с будочкой от непогоды и солнца посредине и целым частоколом из досок по длине всего щита. Помимо основных досок и бревен, плавающих на воде, имеются еще восемь бочек в подводной части для большей устойчивости и плавучести щита на воде.

В каждой будочке сидит сигнальщик в ожидании торпеды, выстрел которой со станции отмечает сирена. Сигнальщик флагом дает на станцию знать момент прохода торпеды под

щитом. На озере плавают девять катеров с керосиновыми моторами, их назначение – привести обратно торпеду после очередного выстрела. Щитов семь, катеров девять и во время стрельбы они стоят у каждого щита, у станции и в резерве. После выстрела торпеда проходит под всеми щитами и, наконец, выскакивает из воды под дальним берегом. Машины торпед работают на сжатом воздухе, находящемся в специальном отделении под давлением до двухсот атмосфер. Окончившую свой путь торпеду подбирает последний катер на буксир и везет на станцию. В это время катера переходят с места на место, а на первый щит идет катер со станции. На станцию подходит резервный и т. д.



Внутренний вид пристрелочной станции на Копенском озере. Из собрания Н. Н. Афонина

Торпедой стреляют несколько раз пока полностью не отрегулируют ее прибор «Обри», направляющий ее по идеальной линии, по прямой. После этого выверенные тщательно торпеды отправляются любой дорогой на море, на пристань, грузятся на «Копанец» и везутся в Кронштадт для сдачи флоту. Там уже вместо учебного зарядного отделения на носу торпеды ставят боевое с девятью пудами взрывчатых веществ и «подводная смерть» готова…

Мины заграждения перед загрузкой на корабль

Иногда после выстрела торпеда начинает «дурить», выделывает разные коленца и незаметно тонет… Стрельба идет дальше, а на поиски затонувшей идет резервный катер с водолазным ботом на буксире. Я уже таких случаев не пропускаю и отправляюсь на боте с двумя водолазами. Начинается одевание и спуск под воду, то есть самое интересное. Иногда торпеду ищут долго, несколько дней, бывает, что и совсем не найдут, так как на дне озера много ила, в котором очень трудно ее найти. За три сезона, что мы были у папы, было потеряно девять торпед…

Любопытному читателю хочу пояснить, что слово торпеда тогда только начало входить в обиход, а раньше она неправильно называлась миной Уайтхеда, в честь изобретателя итальянца. Под торпедой подразумевается сигарообразное сооружение из стали с несколькими отделениями по длине. В ней имеется от носа к корме: зарядное отделение, горловина для прибора «Обри», машинное отделение, отделение для сжатого воздуха и хвостовая часть, то есть два винта и вертикальные и горизонтальные рули.

В те времена от торпеды требовалось следующее: идеальный по «нитке» ход, равномерная скорость, одно и то же углубление в воде во время всего хода. Эти величины при боевом выстреле возможно было менять в довольно больших пределах в зависимости от размеров и отдаления противника, то есть корабля.

Миной же зовется много типов снарядов, не имеющих своих двигателей и устанавливаемых на якорях под водой на различных глубинах, – это и есть мина заграждения. Минами зовут иногда и

снаряды, закапываемые в землю, например, на поле перед крепостями или фортами и взрываемые при помощи специального шнура электрическим током (фугас). Есть мины самовзрывающиеся по времени, по прохождению над ними танка или броневика или масса других механических приспособлений…

При выстреле торпедой из аппарата пуск двигателя происходит уже под водой от специального курка, удерживаемого кусочком пиленого сахара, который, растворяясь в воде, включает курок, открывающий доступ в машинное отделение сжатому воздуху. Между прочим, сахар этот по причинам нам неизвестным поставлялся исключительно из Японии в луженых коробочках на 40–50 кусочков…

Почти весь мой день проходил на воде, то на катере, то на водолазном боте, то на станции. Работа шла с раннего утра до наступления темноты. Флот велик и требует много торпед, а наше лето на Балтике достаточно коротко и, кроме того, очень капризно с преобладанием плохой погоды, когда хода торпеды почти не видно и трудно судить о качестве работы ее приборов, не говоря уже о возможности потерять ее от неполадок в механизмах…

Зимой озеро надолго и сильно замерзает, и весь персонал станции переезжает в Кронштадт, а выпуск торпед прекращается до следующего года.

Летом на станции моя жизнь проходит в катании по озеру, купании на хорошем пляже около дома, собирании грибов и ягод с матерью в ближайших лесах и прогулках по недалеким деревням. Ребят моего возраста в поселке мало, и почти все время я провожу в обществе взрослых, с ними скучно никогда не бывает. К тому же вокруг немало нового и интересного…

Так проходит два сезона, наступает 1914 год. Мы с мамой с весны опять на озере, погода стоит на редкость жаркая, часто проходят летние теплые дожди и в лесах уже с ранней весны появляются грибы, а в июне их уже находят и собирают массами.

В гостиной квартиры Озеровых в Кронштадте, во втором Офицерском флигеле на Екатерининской улице. Слева направо: дядя по матери Константин Константинович Бочковский, дядя по отцу Николай Мануилович Озеров, Валерий Озеров, Ольга Алексеевна Озерова; стоят тетя Мария Алексеевна Бочковская, Григорий Мануилович Озеров. 1914 г.

В окрестных деревнях крестьяне говорят, что грибы в таком количестве в это время – верная примета скорой войны. Их предчувствия, к сожалению, полностью оправдались…

Мы с мамой усиленно занимаемся сбором белых и красных грибов, которые вечером я нанизываю на веревочки и развешиваю на стенках огромных котлов в кочегарке. Через два дня они полностью просыхают, и нам с мамой удается за один месяц насушить более пуда отличных грибов…

Война объявлена… вскоре папа получает новое назначение на такую же станцию, только что построенную на Черном море, на южном побережье Крыма.

Вскоре мы все вместе уезжаем из Кронштадта на другой конец России…

Глава 3. Первая мировая война на Черном море. В Феодосии (1914–1917)

Новые места, новые впечатления…

Дивная жаркая осень стоит в Крыму…

Новая, только что отстроенная станция, расположена в 14 верстах от города Феодосия, в бухте, называемой Двухякорной, где по преданию моряков ни один корабль не мог отстояться в бури и шторма, даже выбросив два якоря…

Я немного умею читать и писать – слово Феодосия является тяжелым, поскольку пишется через заглавную букву Фита. Это нулик или «О» с черточкой посредине, – но самое главное нужно твердо знать, какие слова пишутся с Ф, а какие с Фиты. Вообще в те времена, приходилось много терять на изучении правил правописания и, особенно, в расстановке таких букв, как: Ять, Фита, Ижица и И с точкой… Теперь обо всех этих буквах не имеют никакого понятия – их просто упразднили в 1918 году специальным декретом.

Станция будет здесь работать круглый год, ведь Черное море незамерзающее. Но зиму успешно заменят в декабре-январе шторма, норд-осты и отчасти «мертвая зыбь», то есть волны прибоя, разбивающиеся о берег… Работа происходит, как и на Копенском озере, но тут – беспокойное Черное море, на котором уже идет война. Бухта заканчивается справа мысом Иван-Баба и горным хребтом с мысом Меганом слева, в сторону Феодосии…

По горам на автомобиле до города всего 14 верст, но ехать приходится около двух часов, поскольку дорога через крутую гору идет штопором вверх и при поездке не приходится думать о скорости: неосторожное движение – и можно разбиться насмерть, не спасут и белые столбики на краях шоссе… Смотреть вниз – дух захватывает! Кое-где на крутых склонах есть виноградники и невольно думаешь, а как к ним подбираться? Все кругом желтого цвета, трава сгорает за три недели еще ранней весной. Тут нет ни грибов, ни ягод, ни густой травки, ни русских березок… Пойти погулять здесь некуда, под ногами сгоревшая трава, песок, камни. Бегают сороконожки и ящерицы… Северной природы, к которой мы давно так привыкли за летние сезоны на Копенском озере, здесь не найдешь.

Феодосия в начале XX в. Открытка

Феодосия – город по-настоящему южный, весь белый и построен в небольшой бухте и на склонах гор. Улицы обсажены акацией и тополями, от которых в период цветения весь город окутывается белой пеленой, проникающей назойливо в рот и при ходьбе, и при сидении… В городе есть местный целебный источник «Паша-Тепе» и мы, приезжая, всегда с удовольствием пьем горьковато-соленую воду в киосках или на «Поплавке» на берегу бухты… От воды долго першит в горле и под языком…

В Феодосии долго проживал знаменитый художник-маринист Айвазовский и много его картин выставлено в галерее. На выезде из города стоит очень красивая дача в восточном мавританском стиле табачного фабриканта Бостонжогло.[40]

В один из первых приездов в Феодосию в начале января 1915 года на меня большое впечатление произвел обряд праздника Крещения. В этот день вообще по России в деревнях, селах и городах, на прудах, речках и озерах на льду строятся Иордани и верующие после торжественного молебна окропляются святой водой из освященной проруби во льду. По всей Руси всем известны этот праздник и морозы, достигающие обычно в это время самой большой силы за зиму.

Семья Озеровых на катере в Двухякорной бухте около Феодосии в 1915 г. Фото из семейного архива Озеровых

Иногда после молебна и освящения воды самые ревностные христиане раздеваются догола и кидаются в прорубь Иордани, а после, побегав по снегу на 20–30-градусном морозе, согреваются сперва просто в шубах, а потом, уже как следует одевшись, – водкой, поднесенной зрителями из купцов или торговцев…

Все это я видел и раньше в Кронштадте, где Иордани строились в Купеческой гавани или на Итальянском пруду в центре города. Здесь, на юге, все происходило иначе. В 12 часов дня на молу в бухте собралась масса духовенства и почти все население города. После очень торжественного и длинного молебна архиерей снял свой нашейный крест, сверкающий золотом на солнце и благословил им толпу, а потом размахнулся и кинул его далеко в море… Вода в море в январе достигает не больше 5–6 градусов тепла, но, тем не менее, целая куча подростков, юношей и взрослых, моментально раздевшись, бросилась в море за крестом…

Через минуту – две архиерей получил его обратно от одного молодого грека-счастливчика. Грек с глубоким поклоном под аплодисменты и крики зрителей подал крест Владыке…

Мы быстро поняли, почему его все называли счастливчиком… Пока он в стороне одевался, в поставленную им шапку верующие накидали «с верхом» и медяков и серебра и золота. Накидали и канареечных рублей, зеленых троек и синих пятерок и даже «радужных» «Катенек».[41] Счастливчику даже кто-то сосчитал его «сбор», выразившийся в сумме 250 рублей! В это время, одевшись,

он еще раз подошел поклониться архиерею и получить святейшее благословение… Если не считать цены архиерейского благословения, то и сумма в 250 рублей по тем временам была большой – ведь корова лучшей породы стоила до шести канареечных…

Затем крест был брошен и во второй раз и третий раз, но уже сумма сбора «счастливчиков» была значительно меньшей…

Если обогнуть мыс Иван-баба справа и выйти в открытое море на шлюпке или станционном катере, то, как бы тихо ни было в бухте, море сразу же примет не сладко и начнет болтать и качать вовсю. Только в редкие дни, когда полный штиль стоит на море, этот выход не заметен для пассажиров. Меня ни разу в жизни не укачивало, и я родился, по словам отца и многих, настоящим моряком, но мама, попробовав один раз выйти в море, укачалась до полусмерти и больше никогда не решалась кататься и совершать морские экскурсии в прибрежные недалекие поселки – Отузы[42] и Коктебель.

После выхода за мыс открывается красивый вид на высокую гору Карадаг и два каменистых пляжа в сторону Коктебеля, где и тогда и теперь происходят планерные состязания.[43] Карадаг с моря совершенно неприступен и поднимает свои скалы на половину версты[44] вверх – зрелище очень величественное… Пляжи этой части побережья не особенно приветливые и покрыты крупным песком – галькой и камнями. Лежать на них мало удовольствия и всегда ищешь где-нибудь песочек подальше от берега, где можно поваляться… Но эти пляжи имеют и свою прелесть – на них можно найти массу красивых камешков, отшлифованных мертвой зыбью, много высохших на солнце скелетов мелких крабов, ракушек и устриц, а также окаменевшего от длительного пребывания в воде дерева…

Кусок мыса Иван-баба давно откололся и упал в море с уцелевшей на нем часовенкой[45], до войны усердно посещавшейся туристами. Мне очень понравилось подходить к огромному камню с часовней на шлюпке и лезть по крутой тропинке внутрь заброшенного каменного здания… В нем нет ничего, кроме уцелевших разноцветных осколков стекол в окнах и исписанных туристами стен… Только одни ласточки нашли здесь себе приют в ненастные дни…

В мое время часовня никем не посещалась. Шла война, и район был пограничным, тем более было интересным и таинственным сидеть на пороге, глядеть на вечно волнующие волны сверкающего многими цветами моря, на белые барашки прибоя, на чаек и дельфинов, резвящихся в бирюзовом море…

Мой отец занимает в Крыму сразу две должности: одну, как и

прежде на Копенском озере, и вторую, звучащую очень сильно – Начальник укрепленного района южного побережья Крыма…

Я как сейчас помню штамп с этим названием, лежавший на письменном столе отца в кабинете…

Помимо станционных служб здесь имеются большие мастерские, изготовляющие части к торпедам, и большое количество рабочих, откомандированных с Петербургского завода «Новый Лесснер» и Николаевского судостроительного завода. Есть и электростанция, есть даже верфь для ремонта мелких судов, катеров, буксиров и барж мореходного типа. В бухте нет никакого поселка местных жителей и размещен только гарнизон охраны побережья и ряд домов для рабочих и служащих. Гарнизон тут большой: минеры, прожектористы, связисты, артиллеристы, пограничники, морская пехота и сводный полуэкипаж из Севастополя. Одних военных моряков только свыше двух тысяч человек, да рабочие и служащие со своими семьями находятся на побережье в сторону Севастополя, Феодосии и Керчи. Крым в то время был заселен в основном татарами и греками, русскими и караимами, так тогда называли крещеных евреев.[46] Греки и татары преобладали…

Германский линейный крейсер «Гебен» в составе турецкого флота

В октябре 1914 года Турция без объявления нам войны пошла в наступление на Кавказ и Балканы, а ее флот, заблаговременно усиленный немецкими кораблями, стал совершать частые набеги на южное побережье Черного моря, Одесскую часть берегов, Николаевскую, Керченско-Феодосийскую, зная, что наш флот отстаивается преимущественно в Севастополе, своей главной базе. В Турцию перед ее нападением пришло несколько германских кораблей, в том числе и новейший линейный

броненосный крейсер «Гебен».[47]

Он является сильнейшим кораблем на всем Черном море и, пользуясь своим положением и скоростью хода, совершает пиратские набеги и на наши побережья, и на наши мореходные пути и рейсы торгового флота. Папа говорит, что это явление временное, что в скором времени на Черном море войдет в строй масса новых достраивающихся кораблей нашего флота, и вся картина изменится в сторону полного господства России на море.[48] Но это в будущем, а пока хозяйничает на море «Гебен», «Меджидие» и «Гамидие». Последние два крейсера с конца октября «навещают» и нашу станцию, зная отлично, что на ней делается.[49]

Часто на рассвете крейсера поднимают нас всех с постелей огнем своих орудий и заставляют все гражданское население бежать в окрестные горы и укрываться в пещерах…

С наступлением тревоги и мы с мамой бежим в пещеры и сидим там до отбоя… Обстрел длится недолго, минут двадцать, и я с удовольствием слежу за огнем и разрывами снарядов в нашем поселке и станции. Мама в ужасе и за меня, и за папу, который по должности остается на станции. После обстрела крейсер быстро убегает в сторону Анатолийских берегов Турции, а из Севастополя с большим опозданием приходит отряд кораблей во главе с «Иоанном Златоустом» или «Святым Евстафием» и нескольких конвоирующих миноносцев…

Отряду не догнать крейсер и выход этот – только одна проформа…

Турки высылали крейсера в расчете на то, что, выйдя из Босфора поздно вечером, крейсер за ночь пересечет Черное море, на рассвете обстреляет объект и успеет удрать обратно…

Расчеты их в 1914 году полностью оправдывались…

На наше счастье «Гебен» ни разу не пришел в нашу бухту с «визитом», а то от станции и поселка ничего бы не осталось от одного бортового залпа главного калибра. Обстрел легкими крейсерами приносил не так много вреда станции…

Видя все происходящее, отец немедленно запросил из Севастополя у командования[50] артиллерию и вскоре в бухту привезли четыре орудия среднего калибра и несколько мелких. Их за один день установили папины артиллеристы, отлично замаскировав в горах, и успели даже произвести пристрелку квадратов моря. На следующий день пришел «Гамидие», но он был встречен шквальным огнем наших орудий и, получив парочку снарядов в свои борта, удрал, развив полный ход. Через два часа пришел броненосец «Евстафий» и отец вышел к нему на катере с докладом…

Крейсера в папином укрепленном районе больше никогда не появлялись… Правда в том же 14-м году днем пришла немецкая подводная лодка и попыталась обстрелять из своего 75 м/м орудия станцию, но под огнем батареи сразу же пошла на погружение и вскоре на поверхности воды появилось огромное пятно солярки.

Папа вышел в море на катере и произвел пеленгование места. Когда по вызову пришла из Севастополя водолазная спасательная бригада, то на глубине в 65 метров нашли немецкую подводную лодку с пробитым левым бортом и носовой части палубы.

Но все же от налетов крейсеров пострадало много заводских зданий, и пришлось солидно заниматься восстановлением и стен, и крыш, и оборудования. После каждого налета из Феодосии приезжал городской фотограф и снимал результаты обстрела. Потом эти снимки попадали в местные журналы и газеты… Много их было у нас в семье, но ни один в дальнейшем не уцелел, и у меня сохранился только один, мой, снятый в ателье города. Этот снимок помещен в этом альбоме. Жертв не было ни разу, ни в гарнизоне, ни в поселке… От жизни на юге у меня осталось много воспоминаний, и это понятно – я стал старше и гораздо умнее и неплохо уже разбирался в происходящих событиях и, главное, вышел из-под опеки мамы…

Здесь в Крыму все пошло к моему большому удовольствию. Папа отдал меня под покровительство своего вестового гвардейца Любинецкого. Одно слово «гвардеец» очень много значило в те времена. Виктор Любинецкий был красивым мужчиной чуть ли не сажень ростом, с отличной выправкой и большущими закрученными кверху усами. Вспомнив его как-то зимой 1941 года, я тоже отрастил себе усы ценой довольно сильных мучений, так неудержимо чесалось под носом во время затеянного эксперимента. Усы получились далеко не гвардейские и имели рыжий оттенок от куренья. Можно добавить, что когда меня увидел командир части, то сказал: «Просто прелесть, какая гадость!» – и тем самым закончил мое мероприятие…

К Любинецкому я сразу преисполнился уважением и любовью, слушался лучше, чем отца с матерью и проводил с ним почти все свое время. Мама вскоре после приезда в Крым подхватила малярию и страдала ею потом всю жизнь. Как сейчас я помню ее сидящую в кресле и закутанную в оренбургский платок. Помню и в жаркие дни вечно трясущуюся от холода…

Мои дни текут и быстро и интересно, скучать некогда, каждый день приносит массу новых впечатлений: то пушку новую привезут, то катер невиданного типа придет, то тральщики зайдут в нашу бухту, то обстрел с моря, то военные мелкие

корабли завернут по различным делам, а я всюду сую свой нос! Мне всегда и до всего дело есть, и мы с Любинецким обсуждаем и рассматриваем, лазаем и на тральщики и в казармы, и на батареи, и на баржи с грузом, и в разные мастерские на берегу…

Часто ходим к матросам в казармы по вечерам и всегда в курсе событий дня… Конечно, и нас знают везде – сына начальника и его вестового… Любинецкий учит меня плавать, нырять, грести веслами на маленькой морской шлюпке-двойке, учит вязать все морские узлы и плести маты и тросы.

Мои познания в морском деле увеличиваются, и я уверенно уже отличаю по силуэтам все наши военные корабли, плаваю и по-собачьи, и саженками, и на спине… Мы часто ловим рыбу на удочки или с прибрежных скал по дороге к Иван-бабе или с нашей «двойки» в море. Ловится рыба плоховато – ее успели уже распугать катера, снующие от щита к щиту, и торпеды, ходящие на разной глубине и отравляющие воду маслом и соляркой. Но все-таки ловля приносит и развлечение и удовольствие обоим, и мы часто сидим и наслаждаемся «клевом» и игрой дельфинов на волнах моря…

А как приятно после идти по поселку с удочкой на спине и связкой рыбы на поясе… Ловится бычок – безобразнейшая рыба на свете, почти вся состоящая из одной головы, ловится по сезону и макрель, и кефаль, и скумбрия, и окунь, и ерш, а часто и камбала, плоская как тарелка с выпученными глазами…

День наш проходит по матросскому распорядку в казармах: в 6 часов побудка под утреннюю зарю, доносящуюся в дом, мы мгновенно просыпаемся и бежим с Любинецким на берег или умываться, или купаться, а после в казармы, где он получает на нас две порции матросского завтрака – котелок гречневой каши размазни с маслом и уплетаем с аппетитом, запивая кашу и булку с маслом горячим чаем.

После завтрака в зависимости от сезона и погоды направляемся в море на катере или шлюпке на щиты и наблюдаем за ходом торпед. Незаметно проходит время до 12 часов – матросского обеда, который предварительно приносится папе на станцию для снятия пробы. Обед Любинецкий забирает в котелки, и мы кушаем на свежем воздухе в тени. Получая порции, Любинецкий обязательно добавляет коку одну из любимых матросами поговорок и шуток вроде: «Ну-ка! налей борща со дна, но пожиже!»… На флоте любят всякие поговорки, любят и когда в борще или щах, как говорят, «ложка стоит!»…

Валерий Озеров в 1914 г. в Феодосии

Но второе южный гуляш из свинины с картошкой и морковью или две больших котлеты с макаронами и на сладкое традиционный флотский компот. Все блюда жирные, вкусные, хлеб местного печения ароматен и тоже идет в «охотку»… Кушал я тогда много и всегда с большим аппетитом, а главное, без всяких капризов как дома. Капризов было очень много, поскольку мама по советам врачей в Кронштадте пичкала все манными кашами, тапиокой[51] и геркулесом – недаром я потом уже никогда их не кушал, несмотря на любые уговоры. Ненависть к молочной пище и молочным кашам осталась на всю жизнь, но любовь к гречневой каше привилась также на всю жизнь…

После обеда в гарнизоне – мертвый час, а гражданским – обед. Любинецкий, выбрав укромное местечко на воздухе в тени, спит, я по настроению или тоже засыпаю рядом, либо бегу домой поболтать с родителями. Я рассказываю матросские новости и часто удивляю отца своей осведомленностью… А потом опять купание, гуляние, сбор камешков на берегу. После коричнево-

желтой воды Маркизовой лужи или кристально чистой Копенского озера вода Черного моря мне особенно нравится: она сине-зеленая, иногда бирюзовая с розоватым оттенком. В зависимости от времени дня она изменяет свои оттенки с непередаваемым отливом красок…

Помню одно утро после сильного шторма ночью… Мы вышли с Виктором[52] утром на берег и не узнали привычной картины… Штормом сорвало все катера и шлюпки с якорей, утопило затем в море, а под утро море вернуло свою добычу и прибоем все выбросило обратно на берег… С десяток катеров и шлюпок лежали с разбитыми бортами на берегу на гальке.

Идем по берегу и видим, как вперемежку с катерами на камушках лежат мертвые дельфины… Они тоже не спаслись от шторма, обессилели в борьбе… Шторм их не пощадил, конечно. Валяются избитые морские коты, луна и меч рыбы, валяется крупная камбала и даже белуга, которая ловится за 30–40 верст от берега, – и ее не пощадило море… Только через неделю возобновились работы на станции, когда смогли отремонтировать первые катера. Долго пахло гнилью разлагающейся рыбы… Черное море не любит шутить… На Черноморском флоте все время вступают в строй новые корабли: эсминцы «Гневный», «Громкий», «Дерзкий», «Пронзительный», «Пылкий», «Быстрый», «Беспокойный», «Счастливый», подводные лодки «Морж», «Нерпа», «Тюлень» и первый минный заградитель «Краб».

Спуск на воду эсминца «Быстрый» на верфи Вадона в Херсоне. 1914 г.

К этому времени уже успел погибнуть турецкий крейсер «Меджидие» – наш старый знакомый по обстрелам в 14-м году. Его подняли, починили, и он ходит в составе нашего флота под названием «Прут». Скоро выйдут на просторы моря и линейные корабли, и крейсера, и эсминцы, и подводные лодки, срочно достраивающиеся на верфях Черного моря в Севастополе и Николаеве… Война все усиливается и на море и на суше, давно уже действует и флот и армия на Кавказско-турецком фронте… Дела турок идут не блестяще…

Нас иногда навещает мой дядя Коля[53], папин младший брат – мичман. Он служит на эсминце «Лейтенант Пущин» и во время кратковременных отпусков приезжает в Двухякорную на день-другой…[54]

В нескольких верстах от Феодосии в горах расположился большой мужской монастырь. Я сейчас забыл его название. Его окружают сады с миндалем, персиками, абрикосами и розами. Далее идут большие виноградники. Мы с мамой несколько раз посещали монастырь, приезжая по горам на линейках…

На юге линейкой называется четырехколесная тележка на рессорах, запряженная парой выносливых лошадок. Сиденье на ней устроено как простой диван без ножек, подушек и спинок. Спинки заменяют спины сидящих пассажиров, спустивших ноги вниз и упирающихся во время езды друг в друга…

В монастыре всегда угощают превкусным варенцем[55] со льда, посыпанным мелким сахаром с корицей. Во дворе имеется родник, бьющий из расселин в горе. Вода в нем чистая, прозрачная и ледяная… Она освящена в монастыре еще очень давно… Каждый богомолец или просто верующий по обычаю должен испить воды, черпая жестяной кружкой и, перекрестившись, бросить на дно ручейка серебряную монету… Я вижу, бросая свою, на дне, на чистом песке целую кучу этих монет…[56]

Переезд на катере в город тоже отнимает около двух часов времени по бирюзовому простору моря… Уже через полчаса хода открывается красивейший вид на Феодосию и окрестности…

Помню, один раз мы попали в беду: наш катер № 1 с полного хода налетел на невидный подводный камень, неподалеку от мола. Нас сразу заметили и выслали спасательный, который через 20 минут доставил нас всех на берег, а потом и стащил с камня катер, который отделался только царапинами на днище и бортах…

В этот приезд я впервые в жизни побывал в кинематографе и с тех пор на долгие времена стал его ярым почитателем.

Итак, я посмотрел свой первый фильм в жизни и не помню

совсем его содержания… Мама тоже с удовольствием всегда смотрела картины, ведь она страшно скучала, впервые так далеко уехав от родного города, от родных и близких, и знакомых…

На юге у нее почти не было развлечений, разве что письма придут, да кто-нибудь зайдет из знакомых в поселке…

Наша жизнь в бухте не располагала к спокойствию сначала из-за частых обстрелов, а потом всех ужасов войны, разгоравшейся на юге очень медленно и то только после включения в войну Турецкой империи.

Мама много переживала и за отца и за меня и рисовала себе много ненужных страхов и ужасов…

В поселок для производства богослужений среди гарнизона раза два в неделю наезжали священники из Феодосии… Помню одного молодого, лет 26-ти красивого грека по фамилии Попандопуло. Он был очень вежлив и корректен, хорошо воспитан, мало чем напоминая священника, одеваясь все время в штатское и облачаясь [в ризу] только на время богослужения. Он нас с матерью развлекал рассказами из греческой жизни.

В день рождения матери он подарил ей Евангелие в шести томах, каждый не более спичечного коробка. Без лупы их читать было невозможно. Он умел поговорить на любую тему и поддержать разговоры и беседы любого направления…

По большим праздникам на станции собиралось много духовенства, приезжал не только низший персонал вроде псаломщиков, дьячков и дьяконов, но и священники, архиереи. Один раз был даже и архимандрит. Особенно много собиралось их на Пасху и Рождество. После свершения всех служб в самой большой мастерской они расходились поздравлять все гражданское население поселка.

Первый визит бывал всегда к нам, и папе приходилось сидеть с ними целые вечера по долгу службы и вежливости. Святые люди съедали и выпивали большое количество вина, водки и всяких закусок вроде куличей, окороков, яиц, колбасы, пирогов и различных консервов. Продукты в то время стоили относительно недорого, водка и вино тоже, но, тем не менее, в скудном жаловании отца они пробивали изрядную брешь, и мама не один день потом вздыхала после таких приемов. Часть духовенства в это время посещала квартиры мастеров, рабочих и служащих и приемы продолжались один – два дня. Родители отца и матери жили небогато и нам не помогали, изредка посылая посылочку с каким-нибудь костюмчиком для меня или отрезом на платье для мамы.

Отец, помню, все время ходил в форменном обмундировании и не мог никак выкроить денег на покупку штатского платья.

Компания «долгогривых» постепенно вытянула у матери добрую половину ее приданого из серебра. Происходило все это очень просто: приезжают на какой-то праздник и посылают к маме еще незнакомого ей священника или дьякона с просьбой «одолжить» ложечку, блюдечко, стаканчик или чашечку для справления своих треб. Мама, конечно, дает, то есть одалживает. Но после этого вещи никогда обратно не возвращались, и она как-то по простоте душевной довольно наивно спросила у приехавшего с визитом архиерея – в чем дело? Старик нахмурился, но потом стал длинно и пространно ей объяснять, что после святого причастия сама вещь становится святой и возвращать их обратно просто грешно и невозможно… Тем более в светский дом!

Вот собственно и все развлечения матери, а ведь ей еще было только 27 лет! Правда, в дальнейшем в Кронштадте стало еще хуже, но это слишком слабое утешение…

Папе, конечно, было вообще не до развлечений, и он почти не бывал дома, вечно по горло занятый делами и по станции и по гарнизону, тем более что по штату гарнизона ему полагался только помощник по строевой части, а остальные офицеры были разбросаны по всему побережью. Начальство только через год сообразило, что он тянет сразу две должности, и повысило его в звании, присвоив старшего лейтенанта, и наградило орденом святой Анны с мечами.[57]

Самое главное не в этом, а в том, что после этого ему стали выплачивать вторую ставку за укрепленный район. Вскоре после получения жалованья мы с ним ездили в Симферополь, где он купил костюм для лета и штатский для приема визитов.

В Симферополе находилась крупная и очень известная фирма «Эйнем», производящая всевозможные варенья (не джемы, которые в те годы и не знали), консервированные фрукты, пастилу, мармелад, киевское сухое варенье из вяленых фруктов в сахаре, марципана, пьяной вишни и вафель с начинкой из черной смородины, лимонов и малины. Папа купил мне многое из перечисленного, и я за два часа «спорол» огромное их количество и испортил себе желудок на несколько дней…

Нижняя часть Приморского бульвара в Севастополе. Открытка начала XX в.

Торпед требовалось все больше и больше, ведь все время вступали в строй все новые и новые эсминцы и подводные лодки. Требовал поддержки и Балтийский флот – станции на Копенском озере и на Финском берегу не могли обеспечить его потребность. Война и на суше, и на море разгоралась все сильнее и в нашу пользу, и папе добавлялось работы с каждым днем. Но он все-таки не забывал про мое существование и, когда ему приходилось объезжать на катере или автомобиле свой район, брал меня с собою.

Кроме того, ему часто приходилось бывать в разных городах Крыма по делам станции, плавать на катерах или тральщиках. Такие путешествия продолжались, как правило, от двух до пяти дней и он тоже почти всегда брал меня с собой. За два года я много раз побывал с ним в Севастополе, Керчи, Ялте, Евпатории и Судаке.

Особенно запомнился мне Севастополь с его чудесными бульварами, легкими открытыми трамваями, Графской пристанью, Малаховым курганом, Сапун-горой и массой гаваней и бухт, обслуживающих Черноморский флот. Много раз любовался панорамой обороны Севастополя, и никогда и в голову не приходило, что через 24 года мне придется самому быть на обороне города, да еще в роли непосредственного участника ожесточенных боев, командуя специальным огнеметным взводом…

Теперь я только сожалею, что не выбрал времени повидать

Севастополь после войны. С этими выездами намного расширялись мой кругозор и мои познания морского дела и, конечно, географии…

Осенью 1915 года к нам в бухту пришел первый в мире подводный минный заградитель «Краб», недавно вошедший в строй Черноморского флота. Эта лодка помимо основного назначения стрелять под водой торпедами, принимала еще мины заграждения и под водой ставила их скрытно для всех. Позже на ее минах подорвался крейсер «Бреслау», а на заграждениях у Варны и Босфора много различных судов противника… Жизнь этой лодки была очень недолгой – войдя в строй в середине 1915 года, она в 1919 году уже была затоплена интервентами около Севастополя.[58]

Подводная лодка «Краб» строилась по проектам инженера М. П. Налетова, участника обороны Порт-Артура в 1905 году. Папа взял меня с собой на лодку и представил в кают-кампании как «стреляного воробья» и со мной разговаривали все офицеры. На лодке мне очень понравилось, но после тщательного осмотра мой костюм был безнадежно испорчен. Лодка стояла у нас несколько дней, и я все подыгрывался к папе взять меня на погружение… Мать и слышать не хотела о таком мероприятии, но папа, попросив разрешения командира, через день взял меня тайком. Под водой мы пробыли четыре часа и на лодке же с папой и пообедали. К сожалению, мама почуяла что-то неладное, пришла в неописуемое волнение, когда мы с отцом не явились к обеду и порядочно-таки задержались…

В начале 1915 года отец, видя оторванность гарнизона и рабочих всех мастерских от города и [отсутствие] каких-нибудь развлечений, договорился с дирекцией завода, а потом с одним городским кинематографом на Итальянской улице и теперь регулярно три раза в неделю из города на катере или автомобиле в поселок привозили киноленты.

В самой большой мастерской на втором этаже установили будочку для аппарата фирмы «Патэ», и в семь или восемь вечера начинался сеанс… Все это бесплатно, и огромная мастерская внизу всегда была наполнена до предела. Внизу сидели рабочие и матросы, наверху – вся местная знать: писари, фельдфебели, кондуктора, мастера, старшины и офицеры с семьями. Сами рабочие и матросы понаделали скамейки, которые после сеанса ими же и убирались. Бывали на сеансах и папа с мамой, когда у отца выпадало свободное время…

Я, конечно, не пропускаю ни одного, и сколько картин я увидел за два года трудно и сосчитать. Я всегда сижу внизу с приятелями матросами и рабочими… В больших кинематографах

картины шли под струнный или симфонический оркестр или под трио, в маленьких кинематографах – просто под тапера. У нас ничего не было, и фильм смотрелся под клекот аппарата…

Но, тем не менее, все смотрели с удовольствием, с упоением, поскольку кинематограф был вообще редким зрелищем на флоте, не говоря уже о сухопутных войсках, а для рабочих да еще в условиях нашего поселка, тоже малодоступным и требующим расходов на проезд в город. Все сидели тихо и только при показе комедий хохотали во все горло, глядя на приключения Глупышкина[59], Макса Линдера или Чарли Чаплина…

Среди массы картин я не видал ни одной детской, видимо, их и в те времена выпускали мало, а к нам в военный поселок они вовсе не попадали. Шли похождения «Соньки Золотой ручки» во многих сериях, переложения романов Сенкевича вроде «Камо грядеши», шли и патриотические на военные темы. Один раз я смотрел фильм «Первая брачная ночь» – она шла под сплошной хохот мужских глоток. Когда же картина окончилась, то отец с матерью увидели меня, сидящего внизу. Они сперва пришли в ужас, но дело обошлось благополучно, папа заявил: «Если он и видел, то ничего не понял!». Это, пожалуй, было правильно, а в следующий раз шла картина в двух сериях «Падшие рабыни» из жизни девушек дома терпимости. Как сейчас помню, картина мне очень понравилась, я не пропустил ни одной серии, но сидел, уже забившись в угол, чтоб не увидели родители… Наука пошла впрок. Жизнь в доме терпимости для меня оказалась новой, и я постарался многое неясное выяснить…

«Императрица Екатерина Великая» (до 27 июня 1915 г. – «Екатерина II»)

Перед основной картиной шли обязательно: французский киножурнал фирмы «Патэ», вроде теперешнего журнала, с красным петухом в начале и конце. Потом показывали видовую, в основном географического содержания, а после нее шла комедия в одной или двух частях. Иногда видовую заменяли японские сказки, на тему новелл во вкусе Бокаччио – они отлично воспринимались всеми, были цветными, то есть раскрашенными вручную кисточками и на экране давали все тона ярких жизнерадостных красок по качеству, не уступающих нынешним цветным фильмам… Сеансы заканчивались в 11 вечера и позднее и все уходили, громко обсуждая виденное…

А война разгоралась все сильнее и сильнее. Во второй половине 1915 года вошли в строй Черноморского флота два новейших первоклассных линейных корабля: «Императрица Мария» и «Екатерина II», еще несколько эсминцев и подводных лодок. Знаменитый крейсер «Гебен» уже не занимался пиратством, а стоял после боев и подрыва на мине в ремонте в Константинополе…

Герой Эрзерума генерал Юденич[60] успешно развивал большое наступление на турецком фронте. Наш флот уже стал полным хозяином Черного моря, а турки начали подумывать о капитуляции…

Наши союзники больше не пропускали ни одного корабля противника в Дарданеллы. Турецкое каботажное пароходство у Анатолийских берегов было совершенно парализовано нашим флотом и начались большие перебои в снабжении Константинополя углем и припасами. Был взят Трапезунд и Эрзерум – город, крепость и порт на Черном море. В Марсель начали прибывать наши полки, высылаемые на помощь французам на кораблях Добровольного флота.[61] Япония уступила нам несколько военных кораблей, бывших в Порт-Артуре и восстановленных ею.[62]

Все эти годы я не занимался еще в школе, ее не было в поселке, ездить учиться в город было невозможно, а отдать меня на полный пансион в Феодосию родители, просто говоря, боялись, видя, насколько я повзрослел, поумнел и совершенно не по годам был развит…

Но я сам под руководством Любинецкого писал без ошибок, только не имел хорошего почерка, вслух читал хорошо и со смыслом, знал первые четыре действия арифметики. Читал я в те годы много, особенно в зимнее время декабря – февраля. От природы я не был прилежен, но на юге сам учился без всякого принуждения. Во всяком случае, позже, при вступительных экзаменах в реальное училище, мне готовиться не пришлось, и

сдал я их свободно и легко… Вы спросите, что я читал в те годы? Тогда выходило много различных журналов с приложениями и они были довольно дешевыми, и много людей выписывало их. Читал я «Ниву» и «Сатирикон», «Задушевное Слово», «Родину», «Летопись войны с Германией», «Вокруг света», «Мир Приключений», «Синюю бороду» и «Светлячок». Все эти издания имели приложения в виде полных собраний сочинений Артура Конан-Дойля, Редьярда Киплинга, Райдера Хаггарда, Герберта Уэллса и Жюля Верна… Конечно, многое было мне непонятным, объяснить порой тоже было некому, но через год – два я снова все перечел уже в Кронштадте и понял недопонятое…

Очень много значило и то, что я все время общался исключительно со взрослыми и привык и полюбил только взрослое общество, а мальчишки меня тогда интересовали мало. Однажды мой дед по отцу прислал мне ко дню рождения письмо со своей карточкой и именной подписью «От деда Мануила Лерунчику». В письме он мне рассказал, как сам в моем возрасте без всякой подготовки и посторонней помощи «одолел» и чтение, и писание, и арифметику…

У деда в г. Белеве. Слева направо: Мануил Васильевич Озеров, Мария Францевна Озерова, Валерий Озеров, Ольга Алексеевна Озерова. 1910 г.

Я сразу же загорелся мыслью стать не хуже деда и ответил ему в город Белев, где он уже жил на пенсии[63]. Я обещал ему стать таким же, как он… В ответ мне пришла японская лакированная шкатулка с конфетами и книгой Киплинга «Приключения собаки». Она-то и послужила началом моей страсти к приключенческим романам…

Отец и мать частенько говорили, что жить в Крыму в этом поселке скучно и не с кем и слова промолвить… Я понимаю их, им действительно тяжеловато было без общества, а мне по моим годам пока было достаточно имевшегося…

В конце лета в поселок часто приезжали на линейках татары и продавали арбузы и дыни. Мать сразу покупала воз арбузов за 4–5 рублей и мы долго с Любинецким их таскали в подвал, где они долго сохранялись. Дыни были значительно дороже и продавались на штуки по цене 3–4 копейки. Канталупские и ананасные стоили 5 копеек… Позднее привозили живых и резаных барашков, они стоили от полтинника до рубля по степени жирности, и тогда сам Любинецкий готовил всем шашлыки на шомполах, на угольях во дворе и подносил на листьях лопуха. Привозили и вино в бочках и бочоночках, вино было и белое, и красное, урожая этого же года, и стоило 30–50 копеек ведро. Мама и вина брала несколько бочонков в запас, и потом весной за ними приезжал хозяин. Такое вино давали и мне в маленьком стаканчике, но оно мне из-за кислоты не нравилось…

Говоря о вине, мне хочется немного рассказать о папиных помощниках – офицерах… Их было немного, всего пять – шесть и почти все жили далеко от поселка, прибывая к отцу для докладов и получения жалования 20-го числа. Непосредственно на станции было не более двух, да и то не всегда. Один из них был заместителем отца по строевой части. Помню одного такого лейтенанта Филаретова. Ему было под сорок и по званию давно следовало бы быть, по крайней мере, капитаном 3 ранга. Но его «забывали» при всяком очередном повышении… И этому была совершенно ясная причина – пристрастие к алкоголю!..

Начал он свою деятельность с того, что представился маме и попросил на первых порах приютить старого холостяка у нее на квартире и кормить за нашим столом. Мать не смогла отказать и согласилась, о чем горько после пожалела. Затем он попросил у отца три дня на устройство и укатил в город. Вечером вернулся и привез с собой на линейке бочку красного вина ведер на 15. Матросы помогли ему втащить ее в комнату и поставить на стол, через двадцать минут он покричал мне и попросил принести спичек.

Когда я зашел в комнату, то увидел его лежащим на кровати в одежде и сапогах. Из бочки была выдернута затычка, а вместо нее вставлен клистирный шланг, взятый из нашей ванной. Во рту торчал наконечник, через который он потягивал вино. На другой день он вышел к обеду, а потом мы его не видели… Мама была в ужасе, боясь, что он помрет с голода, забегала несколько раз к нему, уговаривая поесть, но он благодарил и просил только огуречного рассола и тараньки… Вот курил он исключительно и умел выпускать кольца, даже одно в другом, они мне очень понравились, а мама приходила в ужас от запаха дешевого Жуковского табака, тянувшегося круглые сутки из его двери…

Папе он подал рапорт о болезни и лежал пока не высосал до дна всю бочку. На это потребовалось суток десять не меньше… Мама никогда не видела запойных пьяниц и переживала новые события тяжело… Кончив вино, Филаретов поднялся с постели и два дня приходил в себя, начав уничтожать обеды и ужины с завидным аппетитом, а потом решил выйти на работу. Но скоро подошло 20-е число и все пошло по-старому, только на этот раз вино было привезено уже белое… Так прошло месяца два. Отцу все это очень надоело, и он попросту списал его с гарнизона обратно в Севастополь. Филаретов очень благодарил отца, говоря, что в других частях его списывали гораздо раньше… Как пошло его дальнейшее пребывание в частях на службе родине, нам неизвестно…

Потом папа и совсем перестал запрашивать себе помощников, зная, что на кораблях везде недостаток в офицерах и хорошего не пришлют, а от подобных Филаретову толку нет, тем более что в гарнизоне не занимались строевой подготовкой. Не до этого было, а начальство бывало не чаще раза в год…

Наступал 1917 год… В январе впервые за три года выпал снег, но к ут ру весь растаял.

События в жизни уже развертывались с кинематографической быстротой… В феврале 1917 года отец получил приказ о переводе опять на Балтику в распоряжение штаба морских сил. Началась передача дел присланному вновь начальнику станции и укрепленного района… А я стал прощаться с полюбившимися местами, а главное, с людьми… Покатался на катерах по морю, слазал в часовенку, несколько вечеров провел в казармах и на батареях и постах и наговорился всласть обо всем с Любинецкими…

Середина февраля, стоит погожий и даже теплый день. Мы с отцом и матерью сидим в автомобиле «Бенц», который повезет нас в Симферополь к поезду на Питер… По обе стороны шоссе, как на параде, выстроился весь свободный гарнизон, рабочие и

служащие. Долго гремит несмолкаемое «Ура!». Отец старается незаметно для всех вытереть выступившие слезы расставания…

Семья Озеровых в автомобиле. Феодосия 1915 г.

И вот автомобиль медленно пополз на первый крутой въезд в гору… Прощай Феодосия, прощай Двухякорная бухта, прощай и Крым надолго…[64]

В Симферополе мы ночуем в гостинице, и я последний раз лакомлюсь своими вафлями с черно-смородиновым вареньем. Рано утром мы в поезде, который постепенно набирает скорость на север…

На третьи сутки мы в Питере, который за наше время отсутствия превратился из Петербурга в Петроград!

Глава 4. Возвращение в Кронштадт. Февральская революция. 1917 год

23 февраля 1917 г. Пересадка с Николаевского вокзала на Балтийский и через два часа мы в Ораниенбауме, или как кронштадтцы его упрощенно называют – Рамбове. У вокзала отец нанимает извозчика, который повезет нас по льду в Кронштадт.

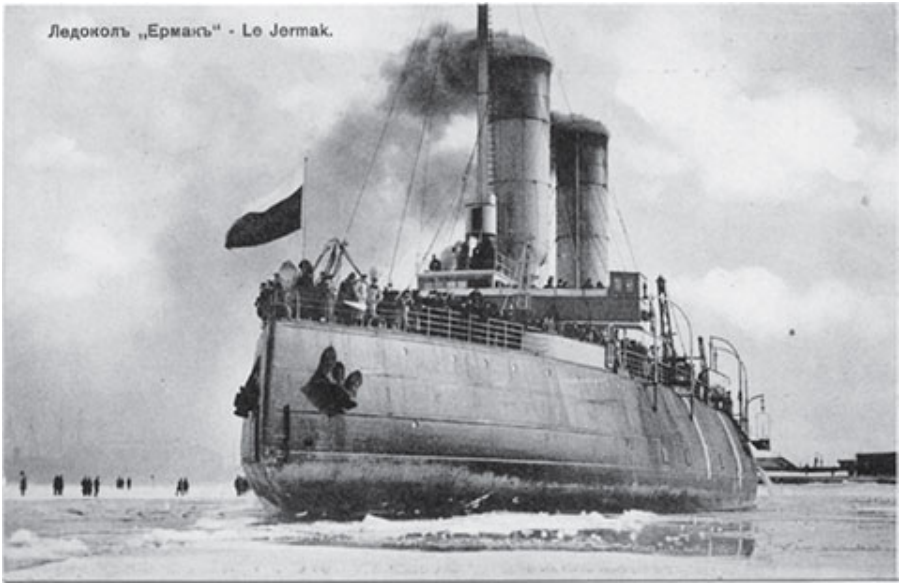
Родной город ясно виден при свете морозного зимнего дня… От снежного поля, покрывшего и Маркизову лужу, и Кронштадт, и Рамбов, в воздухе особенно светло. Лишь пар, валящий клубами от нашего дыхания и от лошади, временами закрывает вид, а воротники и перчатки скоро намокают от мокрого снега, напоминая, что здесь далеко до теплого Крыма и зима еще совсем не кончилась…

Уже с Ораниенбаумского берега видны здания острова Котлин, видна городская водокачка, кирха, трубы пароходного завода, золоченый купол морского собора, лес мачт во всех гаванях, где с осени стоят вмерзшие в лед корабли, а дальше далеко тянущаяся ниточка Котлинского берега с замаскированными фортами и крепостями. Ближе проступают контуры Кронштлота и форта Чумной, а также часть южных мелких батарей… Дорога вся обсажена елочками средней величины, чтобы не замело в пургу и указателями для пешеходов, которых ходит здесь немало…

От Ораниенбаума до Кронштадта семь верст. В одном месте мы проезжаем по жиденькому деревянному мосту, наведенному через полосу битого льда. Это значит, что недавно прошел из Петрограда или в Петроград ледокол «Ермак», проводя какие-нибудь корабли. Ведь только этот удивительный ледокол может бороться с толстыми льдами Финского залива. В этом году тут стоят порядочные морозы, лед толстый – до полутора метров – и дорога хорошо накатана…

Постепенно лед и снег становятся все желтее и грязнее – дает себя знать приближение и города, и базы флота, и крепости.

Но снегу везде много и приближение весны не чувствуется… Я отвык от Родины и мои мысли еще на юге, в нашей бухте… Мама в радостном настроении[65], а папа, видимо, чем-то озабочен, что-то бормочет себе под нос и явно чем-то недоволен…



Ледокол «Ермак». Открытка начала XX в.

Вот и Котлин, вернее его восточная оконечная часть около пароходной пристани; теперь нам предстоит проехать больше половины города: район, называемый горой, всю Екатерининскую улицу до Николаевской, на которой живет моя бабушка по матери Елена Александровна Ушакова (урожд. Лебедева)…[66]

На улицах мало прохожих, город производит впечатление пустого… Приехали… Путь с юга окончен…

Гарнизонное стрельбище в Кронштадте. Открытка начала XX в.

Но окончен не только путь, окончена надолго и наша сравнительно спокойная жизнь, если ее можно называть такой во время войны… И еще окончено мое детство, о чем я и не подозревал в те дни… Через несколько дней окончилось и то, что отец и мать называли Россией…

В городе тревожно, холодно, неприветливо, непонятно…

Прежде всего, в этом виновата сама скупая матушка-природа на Финском заливе, с ее грязной, сыроватой и промозглой зимой. Зима вроде и на исходе, ведь последние числа февраля по старому стилю. Днем иногда при неласковом солнышке тают сосульки на карнизах и окнах, а на крышах и заснеженных улицах чирикают воробьи, разворачивая кучки конского навоза, не подобранного дворниками.

В такие дни весело шумит детвора – мелюзга – на улицах и плохо очищенных скверах. Но проходит час, другой и признаки весны исчезают моментально. Дым из труб идет вертикально – штопором недолго и начинает развеиваться клочьями при резком холодном ветре со стороны Финляндии. Последнее гораздо чаще… Штиля почти не бывает – он обманчивый, морской и часто от хорошей погоды уже через час не остается ни следа. Недаром моряки говорят, что погода на заливе меняется не менее трех раз в сутки… Выйдешь из дома, и сразу тебя охватывает со всех сторон настоящий русский мороз, да еще с промозглятинкой! Шапка и воротник покрываются инеем, в носу все промерзает, от дыханья все вокруг заволакивается дымком-паром и, если не делать резких движений, становится просто холодно. Котлин остров окружило со всех сторон студеное промерзшее море, и нет спасения в Кронштадте от морозных объятий.

Окружена и большая часть России и холодом и начинающимися неполадками в снабжении продуктами в больших городах из-за плохой работы железных дорог. Мерзнут и солдаты в тысячеверстных линиях окопов.

Надвигаются большие события. О них еще толком никто и ничего не знает, даже самые умные и дальновидные люди теряются в догадках. Ведь совсем недавно Россия справляла годовщину 300-летия династии Романовых…

Одни ждут смены правительства, а может быть и его формы – таких много, но не по количеству, а по званиям, чинам, богатству и состоятельности, принадлежности к тому или иному обществу Российскому, по степени образованности – от привилегированной верхушки при дворе Николая, до кулаков-мироедов в деревне. Другие, а их очень много – миллионы в деревнях, ждут конца войны, ждут возращения своих кормильцев, завшивевших в окопах, домой, ждут прибавки земли, ждут свидания с семьями.

Есть еще и другие, они не относятся ни к первым, ни ко вторым – это надежда революционеров – рабочие в столице и в других городах, имеющих промышленность. Они гораздо образованнее, хватили больше «лиха» от царской цивилизации, штрафов, взысканий, сверхурочных работ на войну, от тяжелого изнуряющего труда на фабриках и заводах…

Ждут миллионеры, банкиры, заводчики, фабриканты, купцы всех гильдий, торговцы и предприниматели, лабазники и приказчики, мещане самых неопределенных профессий, бедняки, давно скатившиеся на дно «ночлежки», и просто разные люди…

Ждет дворянство высшего света, богатое, бедное, ждет высшая знать и офицерство всех чинов и рангов, ждет чиновничество всех министерств и канцелярий от управляющих и действительных статских советников до Акакия Акакиевича включительно. Ждут во всех городах империи, ждут и в Кронштадте.

Темна еще Россия, народ еще в глубоком сне, но сон кошмарный, бредовый, мучительный и только багряно-красный закат подобно Кронштадскому в направлении форта Риф, говорит о чем-то новом, невиданном, кровавом, ужасном…

Ждут в переполненных тюрьмах и ссылках политические и уголовные арестанты всех категорий до просто штрафных. Чувствуется приближение новых впечатлений, чего-то острого, пряного, пахнущего человеческой кровью будущего…

На улицах города и вообще малооживленных сейчас вечером совсем пустынно. Стоят окутанные паром санки, вейки и просто розвальни, крытые медвежьей полостью с фасоном, победнее – с сукном или финской дорожкой, а то и просто чухонской рогожкой… Покрылись инеем замерзающие лошадки, медленно жующие овес из подвязанных торб. Покрыты и сами извозчики белою изморозью, они давно мечтают о шкалике в теплой пивной или казенке за углом в переулке. На площадях и перекрестках пылают костры, услужливо разведенные дворниками для блюстителей порядка, а, иначе говоря, по народному выражению, фараонов или полицейских. Их в Кронштадте очень много, – один на каждые 400 жителей. Население города в военное время достигало с гарнизоном всех фортов, крепостей, частей флотских экипажей и стоящих кораблей нескольких десятков тысяч человек, до 70 тысяч.

Около костров прыгают и машут руками в огромных рукавицах дежурящие дворники, и полицейские, и извозчики, и случайные прохожие… Холодно… Уныло горят электрические фонари на длиннейших столбах, еле освещая самих себя и небольшой круг грязного снега на булыжной мостовой.

Электричество вошло в быт Кронштадта совсем недавно – четыре года назад, когда была построена городская станция на той стороне Итальянского пруда. Вошло очень медленно, неуверенно и в основном на двух – трех главных улицах. В других местах еще очень много домов, освещающихся керосино-калильными лампами «Молния» и «Эксельсиор». Уже почти с начала 900-х годов городская дума ставит вопрос о постройке трамвая, но тяжелое финансовое положение когда-то бойкого торгового города превращает этот вопрос в утопию и мечту…

Изредка прохожий крикнет «Извозчик!» и всколыхнет застывшую улицу и встрепенувшихся извозчиков, дремлющих на козлах, полицейских и дворников в белых передниках поверх зипунов или шуб и с медными ярко начищенными бляхами квартала. И вот по твердой замерзшей булыжной мостовой раздается топот копыт, особенно цокающий и проникающий в комнаты домов верующих людей, где нет света, и только скупо мерцают лампады перед образами. А такие есть и на главных улицах, и на окраинных, и в мелких переулках, и на Горе[67] – так называется сеть мелких улочек и переулков в северо-восточной окраине города. Верующих в городе много, недаром в Кронштадте есть немецкая кирха, католический костел, мечеть, русско-эстонская церковь и около двух десятков православных соборов, церквей обычных и домашних при школах и домах трудолюбия.

Екатерининская улица. Открытка начала XX в.

Немало и питейных заведений, начиная от погребков Шитта и Шталя и до обычных пивных, казенок и трактиров. Еще больше

домов терпимости, число их перевалило уже за четыре десятка и давно высшая власть в городе – комендант порта адмирал Вирен собственноручно пишет для них правила внутреннего распорядка. Но и там сейчас мало народа… Эти дома в большей своей части расположены на Горе. Сейчас, когда над Кронштадтом нависли тучи ожидания, все позакрывались: и собрания, и кинематографы, и веселые дома. Обыватели сидят по квартирам: «Кабы чего не вышло!».

Проехал извозчик, и снова все на улицах погрузилось в сонную дремоту. Лишь иногда прогудит или свистнет паровоз на железной дороге, подходящей к таможне и рыбным рядам, да откликнется ему другой за городом. Только угольные нити в редких лампах уличного освещения тщетно пытаются осветить пустоту города, площадей, каналов, скверов и парков. Постепенно мороз крепчает, город проваливается в сон, дворники скрываются за запертыми парадными и воротами, надо войти – не достучишься! Городовые тоже прячутся куда-то.

Извозчики мало-помалу разъезжаются по домам или биржам и остаются только ночные на Горе у веселых домов, да два – три на обеих главных улицах, около морского и артиллерийского собраний, да на Николаевской у единственного пятиэтажного дома кредитного общества.

Давно прозвучали склянки отбоя на вмерзших в лед военных кораблях гавани, и только прожектора некоторых передовых фортов медленно обводят свинцовое небо и бесконечный лед Кронштадтского рейда. Спят горожане и обыватели, спят и защитники родины на кораблях и в крепостях. Спят на всем Котлине и на целой серии островков вокруг него с восточной, южной и северной стороны. Спят и северные и южные мелкие батареи, спят и Тотлебен, и Обручев, и Кроншлот, и Павел, и многие другие… Бодрствуют лишь вахтенные на зимующих кораблях, патрули и отделения артиллеристов на фортах…

Каждое утро приносит всем новые известия из Питера и Рамбова: телеграф и телефон в столице не работают, трамваи не ходят, электростанции и газовые заводы часто останавливаются, на фабриках и заводах продолжаются забастовки, газеты выходят нерегулярно и часто с целыми пустыми столбцами (в последний момент вычеркнула цензура), цены на продовольствие повышаются каждый день, то на грош (1 копейки), а то и на копейку, растет спекуляция, много булочных и лабазов на окраинах закрыто. В войсках Петроградского гарнизона происходят волнения, в столицу прибывают новые части из дальних тылов, еще не бывавших на фронте. Питер объявлен на особом положении, на улицах расклеиваются успокаивающие

приказы и объявления военного коменданта…

Только несколько дней отделяет нас от Крыма, но там ничего подобного не было. И контраст настолько велик, что и я, и отец, и даже довольная приездом мама начинаем это чувствовать с каждым днем все сильнее. С одной стороны несравнимость климата, с другой – близость столицы и новые резкие политические веяния заставляют даже меня на примере родителей чего-то бояться и скучать…

Мама целые дни проводит в разговорах с бабушкой и тетей, а я, как неприкаянный, болтаюсь по комнатам и ничего не делаю. Хуже всего приходится отцу. Зайдя в штаб, он узнал, что еще не поступил приказ о его зачислении, а когда он поступит, его известят по домашнему адресу. А пока ждите! Он не понимает, что до него, сейчас, в канун революции, в морском штабе нет никакого дела…

Между прочим, за время нашего житья в Крыму из Кронштадта уехал мамин старший брат дядя Ваня с женой и сыном Володей в Петроград, а другой брат, младший, дядя Миша давно воюет на галицийском фронте. Он был уже два раза ранен и приезжал в лечебные отпуска, а сейчас, где точно не известно – давно не было писем… В последний свой приезд дядя Миша привез мне в подарок австрийский «всамделишный» тесак, немецкую каску и кобуру от парабеллума. Муж старшей сестры матери Марии – дядя Костя [полковник К. Бочковский[68]] в Кронштадте и командует фортом «Меншиков».

Я недоволен приездом в холодный Кронштадт и скучаю по морю, по Любинецкому, по горам и матросам.

На семейном совете решается вопрос, куда поступать мне осенью в Гимназию или Реальное училище? В совете принимает участие моя мама, бабушка и тетя Муся….

Мама принимает решение отдать меня пока в последний класс начальной школы, чтобы я не сидел без дела и привыкал к занятиям. Она сходила и договорилась, чтобы с первого марта я начал ходить в четвертый и последний класс школы, расположенной около Козьего Болота[69]. Остается два-три дня…

Глава 5. Март 1917 года

1 марта началось в Кронштадте довольно хорошей погодой и даже светило солнце. Мне предстоял недолгий путь по половине Николаевской улицы и далее через Козье Болото в школу. Козьим болотом называлась площадь в конце главной улицы, на которой расположился единственный в городе базар, так классически описанный в прошлом столетии еще Станюковичем в знаменитых и непревзойденных морских рассказах. Он и в мое время нисколько не изменился и по-прежнему бойко торговал семечками, свежими сплетнями, разным военным барахлом… Это был, в сущности, матросский и солдатский клуб, где можно было и выпить и поговорить, и встретить нужных знакомых и земляков.

Вот и школа, у дверей толпа возбужденных мальчишек разного возраста. В дверь никого не пускают. Меня спрашивают: «Ты за кого? За царя или за рабочих?» Не растерявшись, я отвечаю: «Я за моряков!» – мой ответ им нравится, и я прохожу разыскивать свой класс.

На всех уроках в тот день меня спрашивали, желая ознакомиться с моей подготовкой. Мои ответы всех удовлетворили полностью, и все учительницы говорили хорошо. И, правда, читал я прекрасно, с выражением и без запинок в незнакомых словах. Страсть к Конан-Дойлю и Киплингу, а также сотни просмотренных мною на юге картин дали мне массу мало известных слов и выражений, поэтому написал диктовку без одной ошибки, но некрасиво, без каллиграфии, как сказала Елизавета Никифоровна – учительница грамматики. Стихотворений на память я знал много, особенно Надсона и Блока. Бойко прочитал надсоновские:

…мои надгробные цветы
должны быть розовой окраски…

С арифметикой тоже оказался в полных ладах и быстро производил все четыре действия, а географию для своих неполных девяти лет даже по немым картам знал отлично – так сказала мне Ольга Никифоровна. Так для меня начался первый день учебы и первый день революции, но все это было до обеда, а к вечеру уже все изменилось вокруг на долгое время, если не сказать навсегда!..

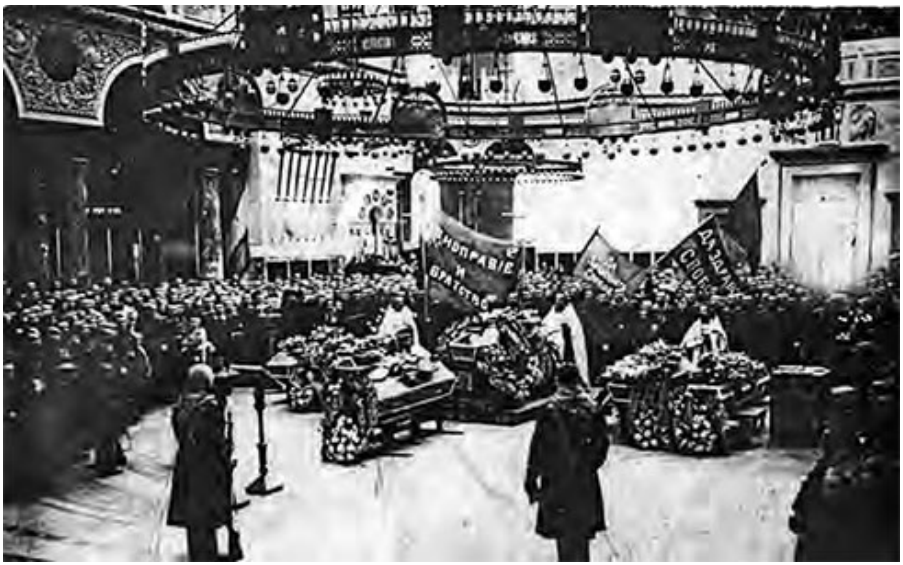
В первый же вечер 1 марта по старому стилю матросы, солдаты и рабочие убили первое лицо в городе и порте и

крепости – командира Кронштадтского порта и начальника гарнизона вице-адмирала Вирена. Во время русско-японской войны он неплохо командовал крейсером «Баян». Еще и в те времена его сильно недолюбливали все офицеры, не говоря уже о матросах, из которых больше половины ходили в разряде штрафованных… Попав на Балтику, а после в Кронштадт, Вирен скоро стал «собакой» для крепости, фортов, порта, города и гарнизона, «собакой» для всего населения вплоть до рабочих, служащих, мещан, купцов, полицейских и жандармов, шпиков, приказчиков из лавок, лабазов и гостиных дворов, да и офицеров… Боялись его все, а его выкрашенный в темно-коричневую краску трехэтажный дом в конце Княжеской улицы старались обойти чуть ли не за версту. Говорили тогда: собаке – собачья смерть! Труп Вирена валялся весь вечер и ночь в овраге около морского собора. Вряд ли кто пожалел его в городе. На вызов толпы он гордо вышел на крыльцо и пытался словами разогнать большую толпу революционеров.

Потом принялись за «собак» помельче чинами и рангами, таких тоже в городе было немало. Они нашлись и среди морских, пехотных и артиллерийских офицеров, среди квартирмейстеров, фельдфебелей, боцманов, мастеров, писарей, околодочных, шпиков, фараонов, городовых, жандармов и чиновников. Но, как всегда бывает, в горячке революции в первые дни пострадало много хороших, порядочных людей различных сословий и категорий. Зачастую убивали только за одно золото или серебро на погонах.[70]

Через несколько дней после революции неожиданно приехал с фронта брат матери дядя Миша, он был в чине капитана пехоты и перебрасывался с Галицийского фронта на Германский. Правда, он приехал уже без погон, но темные пятна на шинели говорили о многом, и он еле-еле добрался до дома, пользуясь своими документами фронтовика, да еще пехотного. Он много рассказал нам о положении на фронте, о разложении в войсках, о прорыве многих участков фронта и через три дня отбыл куда-то в Белоруссию. Мы все не ожидали, что когда-нибудь его еще увидим… Так и оказалось… Он вскоре перешел на сторону красных, получил полк и воевал с Деникиным на Украине. В 1920 году Михаил Алексеевич Ушаков был в боях убит и похоронен на главной площади города Александро-Грушевска[71] в могиле жертв революции. За годы гражданской войны он получил два ордена и именные часы от командарма…[72] Матери его, Елене Александровне, прислали фотографию могилы и благодарность от командира корпуса. К сожалению, Е. А. Ушакова к тому времени умерла. Фотография могилы хранилась у тети Муси

[Марии Алексеевны Бочковской], сестры Михаила, и пропала после разграбления ее вещей во время блокады Ленинграда.



Отпевание в Морском соборе солдат и матросов, погибших 1 марта 1917 г. Их похоронили на Якорной площади. 7 марта 1917 г

Отец мой в это время находился в очень неприятном положении, – с одной стороны он мало кого знал в Кронштадте, поскольку работал в Крыму, а те корабли, на которых он ранее плавал, – «Слава», «Рында», «Африка», «Азия», «Минин и Пожарский» и «Европа» – стояли тогда в других портах залива и Балтийского моря, словом, ни на какую поддержку среди революционно настроенного штаба и командования не мог вообще рассчитывать.

На третий день революции, когда «собак» стали уже искать по квартирам и производить везде обыски, стало совсем плохо, и мать уговорила отца с утра до позднего вечера сидеть на чердаке нашего дома в темном углу. Подобно отцу отсиживалось по чердакам и подвалам или просто чужим квартирам много офицеров. Мы жили тогда на Екатерининской улице во втором офицерском флигеле. При каждом звонке в дверь мы с мамой дрожали от страха и не знали, что делать, ведь не откроешь – выломают дверь и все… Только разозлишь патрульных и обыскных… На наших глазах со всех трех этажей днем выволокли трех офицеров и тут же на лестнице прикончили из наганов.

Революционные матросы Кронштадта. 1917 г.

Дворники к этому времени уже бездействовали, и пролитая на лестнице кровь трех человек месяца два так и оставалась на ступеньках… Трупы убирали, видимо, близкие по ночам. Кругом полнейший хаос, революция, сведение «личных счетов» между бывшими начальниками и подчиненными, убийства не прекращаются ни днем, ни ночью…

А отца знают только в порту, в мастерских еще по Копенскому озеру, но до порта надо еще добраться живым и неизвестно найдешь ли кого из знакомых… Как назло, и я в своих прогулках по городу тоже не вижу бескозырок с названиями упомянутых выше кораблей – ни один из них еще в Кронштадт не пришел… Выйди отец на улицу и за его жизнь гроша ломаного не дашь, убьют только за то, что он офицер, да еще незнакомый…

Спасли его жизнь матросы южного побережья Крыма, приславшие в ревком порта следующую телеграмму: «Старшего лейтенанта Озерова Григория не трогать зпт хороший офицер зпт человек свой и отличный зпт будет работать революцией тчк ревком укрепленного побережья крыма». Я запомнил эту телеграмму на всю жизнь, к сожалению, при предпоследнем аресте после убийства Кирова ее отобрали сотрудники ГПУ и, конечно, не вернули после полуторалетнего «сидения» отца на Красновишерском бумажном комбинате….[73]

Но все это у отца еще было впереди и хождение по мукам только еще начиналось… Мы все, конечно, не знали об этой телеграмме, когда за отцом после обеда пришел патруль из

четырех матросов, один из них оказался отцу знакомым – вместе когда-то служили на крейсере 2-го ранга «Рында»… Он узнал отца и пригласил его пройти с ним в ревком порта, сказав матери: «Не беспокойся, муж скоро вернется целым и невредимым домой». Мать не очень-то поверила словам, но внешне немного успокоилась и перестала плакать…

В ревкоме отцу, прежде всего, показали пришедшую телеграмму и даже отдали на память, выдали пропуск для беспрепятственного хождения по городу, крепости и порту круглые сутки и предложили придти на митинг на Якорную площадь, там, где и сейчас находится овраг, морской собор и памятник адмиралу Макарову… Митинг был назначен на завтра на десять часов… Вернувшись, папа долго успокаивал мать, говоря, что хорошие дела и отношения тоже не забываются при любом строе в государстве.

Насколько он был не прав, показало дальнейшее существование республики и мрачные годы сталинской эпохи… Я еще не понимал полностью слова отца, и они до меня дошли уже позже, в 1922 году…

Долго в тот вечер и ночь мы сидели втроем у стола и не столько говорили, сколько молчали…

На митинге отца по представлению ревкома назначили на должность Главного минера Кронштадтского порта, должность явно не по его чину. Ранее на этих местах сидели офицеры не ниже капитана первого ранга… На митинге нашлось много знающих отца, и несколько матросов и рабочих рассказывали биографию отца и о его работе на флоте. Я, конечно, пришел на митинг чуть ли не раньше всех и слушал речи с горячим удовлетворением и гордостью…

А еще через несколько дней на той же площади отец давал присягу новому правительству, присягу, которой уже не изменил никогда… Меня не спрашивали и не спросят, но я сам всем скажу, что отец мой был неисправимым идеалистом всю свою недолгую жизнь и в каких бы условиях не находился потом (в тюрьме, пытках и холодных камерах, без сна или без еды по неделям) все же таковым и остался на всю свою жизнь и, ручаюсь, что и умер без страха и упрека в тюремной камере или во дворе у стенки… [74]

Отец получал от жизни щелчки и пинки, но он всю свою жизнь мог также утешаться полученной в 1917 году телеграммой и немногими другими фактами…

Только беспристрастности ради приходится добавить, что хороших фактов за все время было всего три, а неприятностей, не говоря уже о частых арестах и приговорах до десяти лет

заключения, было значительно больше…

Скоро и в Кронштадте большая часть офицеров была перебита или сидела в следственных тюрьмах, ожидая своей участи, а остальная, очень маленькая стала верой и правдой служить новому правительству, новой республике в мире, новым руководителям-большевикам… Страсти революционеров поостыли, крови было пролито вполне достаточно и в Кронштадте, и в Питере и постепенно в обоих городах воцарился некоторый порядок… Только следственные комиссии еще работали и днем, и ночью, вынося приговоры… Самосуды на улицах и в домах, на кораблях и фортах прекратились, и стало тихо… Революционные комитеты выбрали себе на батареях, в мастерских, на кораблях угодных себе начальников и служба потекла обычным путем… Несколько позже, после отдельных случаев саботажа к начальникам и командирам приставили новый, невиданный штат комиссаров по политической части… Единоначалие закончилось на долгое время… Был и у отца такой помощник Боровик Архип Адамович – украинец. Они скоро сработались, Адамович был из простых матросов и неплохой человек. Он понял отца и во многом ему помог и в работе и позже, когда начались неприятности на работе…

Иногда на митингах решались вопросы об оказании помощи Питеру посылкой вооруженных отрядов и кораблей. Большинство кронштадтских мальчишек – обязательные участники всех митингов и собраний. Площадь большая, отгородить ее нельзя – ходи, кто хочешь… Конечно, и я почти всегда в их числе и знаю все новости из первых рук. Занятия с 1 марта в школах почти не производились, а там и летние вакации[75] начались, и времени свободного – хоть отбавляй!

Толпа на площади всегда собирается большая – до тысячи и свыше. Это свободные от нарядов солдаты гарнизона и делегаты с кораблей, фортов и мастерских. Первое время, пока это было для всех новым делом, всех ораторов слушали очень внимательно, не всегда все ясно понимая. Но постепенно люди научились разбираться во многих течениях, стали задавать различные вопросы, иногда и вовсе каверзные и на митингах стало значительно оживленнее и веселее.

Не знаю почему, но большинство приезжавших ораторов было иудейского происхождения, щупленькие, задрипанные и мало внушавшие доверия слушателям. Надо учесть, что на флоте вообще евреев не было, в артиллерии тоже, а в пехоте они насчитывались единицами. Среди же рабочих и мастеров их не было вовсе. Все это, как говорят, совсем не импонировало слушателям и на таких ораторов смотрели «с оглядкой» и мало

верили… Но таких ораторов и агитаторов засылали в Кронштадт все существовавшие в то время партии, а их ведь было очень много: кадеты, эсеры, анархисты, черная сотня, меньшевики, большевики… Выйдет такой пропагандист идей на трибуну, а сам букву «Р» не выговаривает, и по толпе слушок ползет: опять жида прислали…[76]

Большая часть говорит долго, нудно и «заумно», щеголяет набором иностранных слов или ветвистыми выражениями. Одни культурны и вежливы, другие сыпят и в бога, и в мать! Бывает оратору и хлопают, особенно если он солдат с фронта и говорит только о животрепещущих вопросах: прекращении войны, дележе помещичьих земель, о недостатках продовольствия и демобилизации… Изредка попадались ораторы, умеющие «зажигать» толпу, и тогда им много кричали и хлопали. Таких слушали тихо и жадно, часто спрашивая у соседней непонятное слово.

К таким, прежде всего, принадлежали анархисты, их учение всем нравилось. Ведь в каждом из нас живет всегда немного романтики и есть хоть небольшая жилка авантюриста и путешественника и, конечно, и врага всякой власти… Недаром в городе очень быстро открылся клуб анархистов с развевающимся черным флагом с черепом и костями на фасаде. А для нас, мальчишек, каждый проходящий анархист был героем! Да и было чему дивиться? Черные брюки клеш, заправленные в сапоги гармошкой, бушлат и полосатая тельняшка, пояс с надраенной бляхой, ременная перевязь, две, а то и три кобуры с парабеллумами или кольтами, тесак в ножнах, пулеметная лента наперекрест или, как говорили бабы, «сикось накось!». Заканчивалось это творение огромным чубом из-под бескозырки!

Анархизм как учение просуществовал сравнительно недолго и к 1922 году почти выдохся и пропал, но он отразился на новом пополнении флота, когда появились так называемые «Жоржики», «Сачки» и «Клешики». Правда, их было не так уж и много, но вполне достаточно на первых порах возрождения флота. Это они ввели особый жаргон, по которому Кронштадт именовался уже «Краков», линейный корабль или крейсер – «Коробкой».

Но вернемся к митингам. В 1917 году и хорошо образованному и подкованному человеку было трудно разобраться в протекавших событиях, в предлагаемых разными партиями программах. Тем не менее, кое-что доходило до слушателей: раздел земли, свобода, равенство и братство, прекращение войны, заключение мира. Война всем надоела, а начавшаяся нехватка продовольствия, вздорожание цен и тяжелое положение в деревнях, где оставались старые да малые, готовили

будущих саботажников и дезертиров с фронта и со всякой другой службы.

Митинг на Якорной площади 1917 г.

Наиболее сознательными в то время были в Кронштадте и Питере рабочие и матросы. Между матросами и солдатами существовала вообще большая разница. Первые, как правило, были поголовно грамотными, многие освоили различные специальности, были гораздо лучше одеты, лучше спали, вкуснее и сытнее ели, многое повидали и не кормили по три года в окопах вшей… Разница в мировоззрении и тех и других была большая и совершенно верно то, что революцию и в Кронштадте и Питере делали рабочие и матросы в первую очередь. Они же первые разобрались довольно быстро во всех течениях, партиях, международном положении и выбрали лучшее, то есть пошли за Лениным.[77]

На самой большой в городе площади – Якорной – много раз проходили митинги и собрания по различным поводам и вопросам. Было бы неправильным думать, что эти сборища и митинги происходили только после революции в 1917 году, нет, они просуществовали долго, пожалуй, до 1923 года, то есть шесть лет…

Я не пишу историю революции, а только рассказываю, что видел своими глазами в «колыбели» ее и поэтому выражаю мысли именно так, как я их понимал в то время. Теперь для нашего поколения все выглядит иначе, а те годы являются пустым звуком и местом. Про них, в сущности, мало написано и еще меньше в

написанном правды, которая только в последнее время с большой осторожностью и очень потихоньку открывается для всех нас…

Надо сказать, что любовь ко всяким митингам, собраниям и совещаниям у нас осталась и по сей день и приучает от природы ленивых людей к ничегонеделанию (ведь говорить или болтать гораздо легче, чем молчать и работать)…

Я говорю сейчас о 17-м годе и, как он проходил в Кронштадте. То идет нечто вроде лекции по международному положению с призывами или бежать по домам или на фронт, защищать отечество. Это уже зависит от оратора, а они на 99 % приезжие из Петрограда…

Почему это так? – спросите Вы. Я отвечу – Россия долго молчала, молчала безропотно, молчала и терпела, терпела и произвол помещиков и мироедов-кулаков, терпела произвол местных властей – полиции и жандармерии, волостных и уездных начальников, терпела произвол крупных мещан, купцов… Словом терпела и только… Где уж тут в таких условиях научиться говорить, да еще агитировать или выступать на митингах…! Русский человек и на службе царской не привык разговаривать и развязывать свой рот.

Митинги принесли большую пользу для всех людей, отчасти помогли быстрее разобраться во всех вопросах, отчасти восполнили пробелы в знаниях, научили многих не стесняться, говорить, излагать свои мысли и отчасти иногда поднимали дух, который по мере наступления все большего хаоса и разрухи падал даже у самых оптимистически настроенных… Но верно и то, что митинги тех годов нельзя и сравнивать с нынешними – говорили на них что хотели и о чем хотели…

Одно было ясно: на митинги все шли охотно, не из-под палки, как еще недавно в частях и на кораблях на молитву. Никогда еще Княжеская улица[78], ведущая к Якорной площади и вымощенная еще по указу Петра Великого чугунными торцами шашек, не видела столько людей, шедших за правдой, шедших в надежде услышать, какой будет новая жизнь…

Матросы крейсера «Рюрик» срезают погоны

Несколько позже, когда в Питер приехал Ленин, все ждали его приезда на флот, но он так и не побывал ни на кораблях, ни в Кронштадте, не говоря уже и о Черном море… Митинги почти всегда заканчивались демонстрацией фильмов на свежем воздухе.

Всемирно известный французский комик Макс Линдер честно смешил народ на площади. Это давало хорошую разрядку и отдых. Примерно с 1910 года фильмы с его участием обошли буквально весь земной шар и продолжали идти до 1930-х годов. Наше поколение не знает его совершенно, если не считать, что в 1965 году кинопрокат собрал «кусочки» из трех его больших картин: «Пародия на мушкетера», «Будь моей женой», «Король цирка и 33 несчастья» и выпустил на экраны под названием: «В гостях у Макса Линдера»…

Лето 1917-го было жарким и сухим, наступило оно почти сразу, без весны. В Кронштадте все спокойно, как будто ничего и не произошло. Но это далеко не так! Стоит только присмотреться немного: дисциплина сильно упала, сняли и очень надолго со всех погоны (до 1943 года) и всякие знаки различия, отменили «козыряние», унижавшее сознание солдат и матросов. На плечах у защитников родины только выгоревшие «заплаты» на память о снятых погонах. Эти заплаты невольно бросаются в глаза на черном, зеленом и синем сукне гимнастерок, на шинелях, бушлатах, пальто и прочей «робы!». Выглядит все это с непривычки дико, неряшливо, – не поймешь уж кто и идет.

Ходят запросто, с гармошками, семечками, разным тряпьем, барахлом и продуктами. Всюду слышна ругань: простая солдатская и настоящая матросская, морская, трехэтажная, с присвистом и в бога, и в мать, и всех святых православных.

Екатерининский парк, тянущийся через половину города вдоль канала и имеющий на одной стороне офицерские флигеля, морское собрание, морскую библиотеку и десяток частных домов – теперь открыт для всех. Раньше при входе в него висели позорные таблички: «Нижним чинам и с собаками вход воспрещен!».

До революции в этом парке, имеющем всего три длиннейших аллеи, всегда было скучновато. По утрам его населяли няньки с ребятами, да копошилась ребячья «мелкота» на ящиках с песком. Днем парк и совсем пустел. А вечерами в нем чинно гуляли семейства с большими детьми, гимназистки последних классов, приказчики из лабазов и лавок и иногда девушки с кавалерами. Уже с раннего вечера идут эти нескончаемые променажи туда и обратно, тоже с гармошками, семечками, матросской похабщиной, перемешанной прибаутками и разными острыми словцами. Иногда рассыплется и морской жаргон со всеми святыми, и девки со смехом разбегаются в боковые аллеи… Все притоны и дома терпимости позакрывались, и вот девки из них заполонили весь парк. Заполонили и молодостью и свежестью и смазливыми физиономиями и увядшими лицами средних и пожилых лет. Наряду с простенькими платьями – крикливое одеяние, свежие звонкие голоса рядом с осипшими контральто бывших проституток…

Кинематографы работают нерегулярно, и народ гуляет по парку и скверам. Наиболее популярны для гуляний: Екатерининский, Петровский, Летний и Соборный. Не забыт и знаменитый овраг, где много дорожек по косогору и много уединенных мест.

Свидания в основном назначаются в Екатерининском, где ходят под ручку парами и четверками. Свидания проходят позднее, с наступлением темноты уже в больших, тенистых парках и овраге… Там удобно расположиться и до рассвета… Недаром кронштадтцы говорят, что по ночам в них все кусты шевелятся!

Теперь никто и ничему не мешает, сторожей не стало. Раньше из парков к 11 вечера всех выгоняли и парки закрывались… Революция все отменила, – гуляй, сколько хочешь!.. В городе есть девки почище – и гимназистки, и просто дочери разных семейств. С ними дела идут не так споро, и разговоров больше и терпение надо иметь. Тут уж просто ничего не делается, и выручают кронштадтские мальчики. Им тоже вечером деться некуда, и они также гуляют и играют в разные игры: лапту, свечки, пятнашки с расчетом «стакан лимон выйди вон» или, если ребят побольше, то «ехал мужик по дороге, сломал колесо на дороге, спрашивает,

сколько гвоздей для починки колеса надо взять – раз, два, три, четыре, пять!».

Но, кроме того, в каждом парке идет игра в почту, играют взрослые, помогают мальчишки – разносят от кавалеров барышням письма. После того, если друг другу пара понравилась, подсаживаются рядышком или ходят по густым аллеям. Крепости сдаются не сразу, обычно требуется пять-шесть вечеров… Тут тоже действует и молодость, и лето, и свобода… «Мальчик снеси-ка письмо вот этой кудрявой, черной с белым бантом в волосах!» Мальчик доносит почту и подсказывает от кого и если свидание состоится и пара познакомится, мальчику перепадет что-нибудь: деньги, конфета, горсть семечек, пара папирос. Так за вечер и на билет в кинематограф можно заработать… К темноте весь женский персонал или разбирается кавалерами или расходится по домам, приходится и мальчишкам покидать парки и идти домой спать.

В следующий вечер познакомившимся парам ни почта, ни мальчишки уже не нужны, а невинность уступает место любви, любви без всяких преград. Что происходило потом в семьях, имеющих молоденьких дочерей, которые к зиме начали полнеть – не поддается описанию. Население стало расти быстрее, а свадьбы бывали очень редко, да и не до них было солдатам и матросам, революция несла всех вперед – на фронты, на войну, которая вскоре превратилась в братоубийственную, гражданскую… Мало думали о дальнейшей жизни и сами молодые девушки… Первый год революции был в Кронштадте для многих веселым и свободным, а о будущем мало кто, как следует, думал….

Вернемся опять к Кронштадту. Июльские события в Питере не нашли себе отражения в жизни города и флота, и реакция на них была незаметной. Потихоньку заканчивалось лето. В августе мне предстояло держать экзамен в первый класс реального училища, и для этого требовалась форма одежды.

В те времена по наследию царского режима были два вида получения среднего образования. Реальное училище с 9-летним сроком обучения предназначалось для детей, желающих получить образование с математическим уклоном с целью подготовки к поступлению в такие институты как: Технологический, Горный, Политехнический, Судостроительный, Строительный и пр. Гимназии предназначались для тех, кто шел с гуманитарным уклоном и поступал в Университеты, Медицинские, Фармацевтические заведения, где не особенно требовалось знание математики, физики и пр. Поскольку евреи не принимались вообще в математические институты, то понятно,

что в гимназиях их было много.

Для девушек существовали только гимназии и прогимназии[79], и обучение было отдельным от мальчиков. У нас и в те времена, да и теперь было много дискуссий на тему раздельного или совместного обучения. Все по своему правы в своих мнениях, но мне кажется, что раздельное было все-таки лучшим.

Единогласно в семье было решено стать мне реалистом и вот сшили черные брюки, черную косоворотку с пятью золотыми пуговицами и ремнем с латунной бляхой и тремя буквами «КРУ». Кстати, на мальчишечьем жаргоне это звучало: «Катьку рыжую украл!». Кроме того, был сшит бушлат с золотыми пуговицами и петлицами на воротнике с желтыми кантами и, как венец всего, черная фуражка с лакированным козырьком, желтыми кантами и гербом училища – пальмовыми ветвями с буквами «КРУ». Экзамен был сдан и я стал реалистом, в отличие от других товарищей, поступивших в гимназию и носивших серые шинели с серебряными пуговицами и петличками с синим кантом.

Через год и реальные училища, и гимназии, и прогимназии были упразднены и стали трудовыми школами 9-летками. Одновременно облегчили и русский алфавит, отменив в нем буквы «Ять», «Ижицу», «Фиту» «И с точкой» и «Твердый знак», потом снова вошедший в силу. В этой школе я проучился до 8-го класса и, когда мы переехали в Петроград, я уже там доучивался в 199-й школе на Петроградской стороне.

Ученье в школах текло сообразно тому времени, но поскольку большинство педагогов остались прежние, то и учеба, и дисциплина остались тоже прежними, по крайней мере, на первое время. Постепенно снижались дисциплина, качество преподавания и само рвение учеников к наукам. К концу 1919 года от всего прежнего не осталось и следа. Смутное время – ужасающий голод, бегство преподавателей, замену которым иногда искали по полгода, разруха в стране, гражданская война – делало свое дело. В классе то мороз (печи топить нечем), то педагог уехал на землю искать продуктов себе на пропитание, то решается вопрос, как быть с преподаванием Закона Божьего (его давали до 1921 года для желающих), то возникал вопрос, что делать с преподаванием истории, ведь в старых учебниках очень много говорилось о царях… Новых учебников же не писали, да и писать было некому. Бывало и так, придем в школу, просидим на 2–3-х уроках и нас отпускают, нет преподавателя, он умер от голода или уехал из Кронштадта, не выдержав. На такие мелочи уходило много учебного времени. Все церковные праздники в те времена соблюдались полностью по старым правилам, на

Рождество гуляли две недели, на Пасху тоже две, да на остальные двунадесятые праздники приходилось еще столько же в учебном году.

Из Кронштадтской школы я вынес отличные знания немецкого и французского языков, с чтением иностранных классиков в подлинниках, отлично знал историю, грамматику русского языка и литературу. По этим предметам я был первым в классе. Остальные предметы шли на «хорошо».

Часть ребят за эти годы бросила обучение и поехала с родителями в деревни от голода, часть перемерла от голода на месте или от разных инфекционных заболеваний (холера, дизентерия, оспа, все виды тифов, корь и скарлатина). От когда-то большого класса в 40 человек (мальчики и девочки) осталось года через три меньше половины, и в один далеко не прекрасный день после окончания Кронштадтского мятежа я, придя в класс, застал только семь человек и сам был восьмой. В последнюю ночь восстания родители, забрав детей, ушли из Кронштадта по льду в Финляндию, раз и навсегда порвав с Россией. Так и проходили учебные дни нашего детства.

Революция катилась по России медленно, не так, как описывается в нынешних учебниках, катилась, если уж детально разобраться, не менее шести-семи лет и нельзя забывать, что и Кронштадт и Петроград правильно называют колыбелью русской революции. Не будь этих городов, то шествие продолжалось, наверное, еще несколько лет…

С 1922 года положение стало меняться в лучшую сторону, появились кое-какие учебники и пополнились ряды педагогов и учеников.

Не получай отец в то время флотского пайка, нам тоже с 1918 года пришлось бы очень плохо. Как сейчас помню получение пайка один раз в месяц – это было целым событием в жизни. Продуктовые вопросы были с общесемейного согласия поручены именно мне, как имевшему больше всех свободного времени.

Мама уже в конце 1917 года пошла работать библиотекарем в морскую библиотеку на бывшей Екатерининской, а теперь уже Советской улице и уходила около 10 утра на работу, ворочаясь к 7–8 вечера.

На Балтике с 29 сентября по 6 октября 1917 года длилось морское сражение с немцами за острова Эзель и Даго[80].

Я уже говорил, что и Питер и Кронштадт были колыбелью революции и первыми пошли за Лениным, беззаветно поверив в его идеи и руководство. Произошла октябрьская революция, не изменившая ровно ничего в жизни города и флота…

12 февраля 1918 года Ленин подписал приказ-декрет о

создании советского военно-морского флота. Декрета могло и не быть, и флот и порт и крепость стояли на страже наших границ, защищая грудью столицу родины…

Из-за политики военного коммунизма и других экспериментов начался самый настоящий голод, когда мороженая гнилая картошка считалась деликатесом… Ужасно стал голодать город, в магазинах ничего не было, и вскоре они все закрылись один за другим, остался только один на Петровской[81] улице, где иногда по карточкам давали одну иголку, пачку махорки или лаврового листа – хлеба, картошки или соленой рыбы уже не бывало.

Зима, холодно, я набираю массу пустых мешочков, кулечков, коробочек, бутылок, веревочек и баночек. Складываю все это в «обезьянку», так назывались в то время солдатские заплечные мешки, беру с собой саночки и отправляюсь в порт к баталеру. Он меня хорошо знает и начинает выдачу: 3 золотника[82] лаврового листа, 50 – луку сушеного, 100 – разных сушеных овощей, пачку горчицы, 20 – леденцов без бумажек, 20 – кофе суррогатного, 20 – подболточной[83] муки, несколько коробок спичек, шесть пачек махорки или папирос «Добрый молодец», 10 – чаю, 5 – перцу, полфунта соли. Затем идут более крупные продукты: две буханки матросского черного крутого хлеба, фунт растительного масла, три четверти фунта сахара сырца коричневого, три фунта солонины или четыре – соленой рыбы. Фунтов 10 мороженой полугнилой картошки, иногда выдается две – три банки овощных консервов и все…

Как всего этого могло хватить на семью из трех человек, можно подсчитать, но на две недели мы кое-как растягивали…

В городе на две наши карточки, мамину и мою я получал сперва две осьмушки хлеба на день, потом на два дня и дошло до одной на двоих на три дня! Других продуктов на эти карточки не давали, за исключением праздников, когда отпускалось или немного свежей рыбы или картошки… Нас выручали папины знакомства с рабочими и матросами: то приедут из отпуска и привезут кусок сала или масла из деревни, один раз привезли мешок сушеной воблы, другой раз – вяленого мяса. Иногда папа доставал несколько коробок японского сахара, на флоте он шел для запалов в торпедах, несколько раз появлялось касторовое масло, шедшее на смазку тончайших механизмов. На касторке я жарил картошку, и это было очень вкусно и не действовало на наши желудки… Два – три раза доставали большие 10-фунтовые железные банки с техническим глицерином, и мама каждый раз варила на нем варенье из тыквы или ягод. Помню, однажды приехал откуда-то папин товарищ Кордосысоев и привез мешок

муки-крупчатки. Из этой муки мы по совету одного «гурмана» сбивали крем с мелким сахаром, и это было огромным лакомством, а ведь сейчас такую дрянь и есть не станешь.

Но самым главным событием явилось открытие в Кронштадте американским обществом «АРА» столовой для голодающих детей! Нас, ребят, сильно поддержали американцы! По талонам каждый ребенок мог в день получать два сухаря и котелок «зеркального» супа, в котором плавали перья от рыбы и несколько фасолин, но зато жира в виде конопляного масла было в нем вдоволь, пальца на два, не меньше! Ввиду очень толстого слоя жира, суп в котелке почти не болтался при носке и поэтому получил название «зеркального».

Столовая работала около двух лет и просто спасла нас от смерти. На флоте началось недоедание и среди моряков. Приступили к «НЗ», но его хватило только на год – запасы, не пополнявшиеся уже 5 лет, были скудными…

Зато в наше время иногда читаешь, что Гувер, знаменитый реакционер США, организатор широкой сети столовых по России, якобы говорил: «Цель моей жизни – уничтожение всей России!» Чему верить, не знаю, поскольку и сам питался американским супчиком.

Глава 6. Кронштадтское восстание. 1–18 марта 1921 года

Во время Кронштадского мятежа, за три дня до окончания в шесть часов вечера отца с квартиры по телефону вызвали явиться к председателю комитета восстания Петриченко. Петриченко приказал отцу немедленно, в эту же ночь взять матросов и рабочих со всего порта и вывезти на лед вокруг Кронштадта весь запас мин заграждения и до утра взорвать их. Запас составлял свыше 30 000 мин. Петриченко, зная отца, понимал, что за ним пойдут и моряки-матросы, и рабочие, и дело будет выполнено в срок. Отец категорически отказался, говоря, что в начале марта 1917 года принял присягу советской власти и нарушить ее не может. «Мы с тобой посчитаемся», – ответил Петриченко и после многих уговоров отпустил его. Придя домой, отец сказал матери: «Сегодня ночью меня, видимо, арестуют и расстреляют». Через час за ним пришел конвой и увел. Матросы конвоя сказали матери, что дело плохо – грозит расстрел и сейчас будет суд[84].

Здесь необходимо разъяснение: дело в том, что когда встал вопрос о том, как погасить восстание моряков всего Балтийского Флота в Кронштадте – Троцкий и Сталин, зная, что войска всех фронтов Европейской части России не пойдут против своих братьев, восставших от голода и новых порядков, собрали все войска из Сибири, стоявшие в резерве всю войну с 1914 по 1921 год. Эти войска состояли из трех полных дивизий: Башкирской, Монгольско-Китайской и Дикой, все на конях. Кроме дивизий было много отдельных полков и частей, сформированных из ненцев, зырян, коми, черемисов и других народностей еще в царское время….[85] Они ничего не знали и не слыхали о Кронштадте и пойдут по приказу на штурм. Когда эти части прибыли в Петроград, им на митинге объявили, что надо взять крепость, стоящую в поле, и что эта крепость называется Кронштадт, и погнали сразу же в Ораниенбаум, а через день после отдыха – на первый штурм Кронштадта.

Кадры из фильма о штурме Кронштадта, снятого после подавления мятежа

Этот первый штурм был отбит огнем крепостных батарей. Начали второй, дивизиям удалось во время пурги подойти ближе – по нападающим начали бить не только Кронштадтские батареи, но и линейные корабли с внутреннего рейда. Они стреляли 12-дюймовым главным калибром – он оставлял на льду воронку в 50 метров диаметром, и конники сплошной массой уходили под лед.

Второй штурм был отбит, как и первый, с большим уроном для наступавших, а, самое главное, в дивизиях пошли слушки о том, что их обманули, и город стоит на воде. Вот каково было положение, когда отца вызвал Петриченко. Он понимал, что если лед вокруг Котлина будет взорван, Кронштадт не взять никакими силами и колесо истории повернется совсем в другую сторону. Ведь за Балтийским Флотом и Кронштадтом было Финское побережье, а на нем враждебно настроенные финны, только что отделившиеся от молодой советской республики, и с ними помощь белогвардейцев и англичан, уже интенсивно подвозивших в Кронштадт продукты питания для флота.

В тот же год на Балтике стояла очень суровая и снежная зима, и это помогало обману кавалерийских дивизий, направленных на взятие Кронштадта. Отец был арестован, мины на лед не вывезли, хотя Петриченко и попытался это сделать, но массы за ним не пошли, и через два дня Кронштадт был взят красными.

Отца не успели ни судить, ни расстрелять – не до того было видимо[86]. Но когда пришли опять красные, отца только перевели из одной тюрьмы в другую. Долго разбирались, что с ним делать и, наконец, после вмешательства матросов и рабочих, он был освобожден. Герою труда Балтики это стоило последних волос и ухудшения состояния здоровья (отец начал болеть язвой желудка).

Трупы расстрелянных после подавления мятежа

Вся наша семья навсегда сохранила огромную благодарность старым партийцам – рабочим и матросам, вступившимся за него. Это были члены партии с первых годов этого столетия – основное ядро революционеров, свергавших царское правительство, бравших Смольный и преданных Ленину. Многие из них приходили к нам на квартиру и утешали мать, говоря, что они сделают все, чтобы освободить отца, и они это сделали.

Разве кто знает сейчас, что мятеж продолжался бы очень долго и мог изменить весь ход колеса истории, если бы не состоялся разговор моего отца с одним из руководителей восстания Петриченко?

Отец остался в прежней должности и продолжал работать[87]. В 1922 году, когда на Флоте почти не осталось моряков и основные кадры уже были убиты на фронтах или уничтожены после мятежа, началось флотское пополнение, которое и было расписано по кораблям.

Штаб морского отряда, участвовавшего в подавлении Кронштадтского мятежа

Больше года после мятежа нельзя было пить воду, отравленную лошадьми и солдатами трех дивизий, а полегло их тогда десятки тысяч и тех и других[88].

После взятия города и порта репрессии не замедлили последовать.

И потом в жаркие летние дни я сидел у окна нашей квартиры и кричал последнее прости проходившим мимо меня старым кадровым морякам. Моряки шли в свой «последний рейс»,

группами по 500–600 человек каждая, почти ежедневно, в течение нескольких дней… Дальше их сажали на баржу с подъемным днищем и попросту топили в море, а выплывавших расстреливали пулеметом[89]. Это был настоящий террор в отместку за двухнедельные бои при взятии Кронштадта. Террор за уничтожение трех кавалерийских дивизий. Долго потом, после их прохода я ревел, уткнувшись в подушку – ведь среди них была масса моих знакомых…

Части Красной армии после взятия Кронштадта. В центре П. Е. Дыбенко

В водах залива нашли себе смерть около 9000 кадровых матросов флота… А ведь именно эти моряки и делали революцию, брали Смольный и Зимний и были самой надежной опорой Ленина…

После этих событий стало совсем тяжело и тошно в городе. От флота почти ничего не осталось, кроме нескольких миноносцев и одного линкора – все остальное было или продано или стояло в угольной гавани в ожидании лучших времен…

Флот на Балтике на несколько лет перестал существовать. Несколько слов о том, как это произошло. Русский флот обоих морей, значительно выросший за войну и почти не понесший потерь в войне до середины 1917 года, состоял больше чем наполовину из лучших типов судов и, кроме того, мог быть еще сильно пополнен введением в строй десятков различных кораблей, недостроенных к началу 1917 года…

Но, к сожалению, достраивать их уже было некому, да и не на

что. И эти два-три десятка лучших «будущих» сверх-дредноутов, линейных кораблей, крейсеров, эсминцев и подводных лодок понемногу ржавели во многих портах и верфях, а потом шли добычей существовавшему в двадцатых годах Рудметалторгу или на продажу «на слом» в Германию.

Лучшую часть Балтийского флота мы уничтожили сами, а лучшую часть Черноморского флота увели с собой врангелевцы, и она так и пропала в порту Бизерта. Старший брат моего отца Василий Мануилович Озеров[90] был кадровым офицером Черноморского флота и за попытку помешать угону русского флота за границу был расстрелян белогвардейцами.

Глава 7. Взрыв на форту «Павел» в 1922 году

А что знает читатель и какая есть литература о кронштадтском форте «Павел»[91], на котором за 15 часов был уничтожен, по крайней мере, десятилетний запас взрывчатых веществ (пироксилин, порох, тротил и пр.) для всего флота и всех сухопутных батарей Балтики. А ведь это сотворили первые комсомольцы с крейсера «Аврора» благодаря халатному отношению командира крейсера…

Описывая эти события, я каждый раз волнуюсь и переживаю те далекие времена, и они встают передо мной так отчетливо и ясно, как будто произошли вчера…

Развалины форта «Император Павел I» сегодня

В один, далеко не прекрасный для моего отца день, моряки с крейсера «Аврора» после шлюпочного учения в конце лета 1922 года подошли к форту «Павел». Подошли незаконно, не имея разрешения командира крейсера. Вообще подход к этому форту был категорически запрещен всем, кроме охраны и специального судна, подвозившего продукты для гарнизона из десяти человек. Охрана их стала прогонять. Но как команда из десяти человек, разбросанных по всем фортам, будет противодействовать тридцати морякам с большого баркаса крейсера? Из этого ничего не получилось, связи у охраны с Кронштадтом не было никакой.

На форту «Павел» сохранились, в основном, все запасы для флота на много лет вперед. Эти запасы состояли из 30 000 тысяч мин заграждения. Здесь были тысячи пудов пироксилина, более ста тысяч пудов тротила и масса пудов пороха. Все это уже не влезало в помещения форта и располагалось также на берегу под навесами. Молодые морячки начали бродить по островку и (по одной из версий) подобрали валявшиеся брикеты японского угля для грелок, попробовали его зажечь. Он горел, вернее тлел, очень медленно. Перед отплытием один морячок, из наиболее глупых, бросил кусок тлевшего брикета в сторону навеса, и он, к несчастью, попал в горловину одной из мин заграждения.[92] «Авроровцы» уплыли, никто ничего не заметил, а минут через 10 первая мина взорвалась и убила часть гарнизона. От детонации стали рваться другие мины, и через полчаса форт горел и взрывался поминутно. Куски сцементировавшегося кирпича от крепостных стен пудов по 100–200 летели в виде бомб и на материк в Ораниенбаум и на остров Котлин. Много людей тогда было убито в радиусе около 25 километров от форта «Павел», а стекол в домах и зданиях Ораниенбаума и Кронштадта не осталось вообще. Взрывы продолжались весь остаток дня, вечера и ночь, только к рассвету все было окончено. Окончен был запас боевого вооружения для Балтийского флота. Отец несколько раз на катере в сопровождении пожарного корабля подходил к форту, но пристать было невозможно – моряки просто отказались идти на верную смерть.

О. А. Озерова

Понадобилось два года, чтобы вставить стекла в двух больших городах. Так «поиграло» новое пополнение флота. Ответил за все Главный минер. Отца судили военным трибуналом в Петрограде и дали 10 лет строгой изоляции. Я и мать были на суде.

Сначала отец сидел в Кронштадской тюрьме, и опять его там спасли старые партийцы – рабочие и матросы, ежедневно принося ему передачу, и утешая добрым словом. И опять они же настояли на пересмотре дела и через полгода снова заседал трибунал в новом составе и полностью оправдал отца. И я, и мать опять были на суде. Но на этот раз все уже открылось, и морякам с «Авроры» здорово попало по заслугам. И опять, уже во второй раз, вся наша семья была горячо благодарна старым партийцам – рабочим и матросам, спасшим отца.

Г. М. Озеров

Послесловие

Но с благодарностью у меня лично на всю жизнь осталась и жалость, жалость как к родным людям, поскольку все они были истреблены впоследствии Сталиным в 30-е годы. Отца эти события совсем доканали и он подал на демобилизацию по состоянию здоровья. С 1923 года он ушел из Флота и стал работать Главным инженером завода «Двигатель», бывший Лесснер[93]. На этом заводе военного снаряжения также были кадровые питерские рабочие-партийцы начала этого столетия. Уже перед войной я узнал, что и они на этом заводе были уничтожены или потерялись в концлагерях Союза. Террор, концентрационные лагеря, голод, эпидемии, убийства и расстрелы прекращали жизнь сперва сотням, потом тысячам и десяткам тысяч людей земли русской, потом перевалило за миллионы…

Массовые убийства в виде террора, начало коллективизации и наступление эпохи вредительства, прерванное в 1941 году Великой Отечественной войной… вот, что было на «пороге» жизни молодежи того времени. Современная молодежь не может встать на «порог» 1917 года, не может, тем более, вообразить, что ждало нас всех за этим «порогом»!

У многих из нас послереволюционные годы прошли в постоянном страхе за свою жизнь, прошли в потоках человеческой крови, в массовых расстрелах, обысках и грабежах, а то и просто в ожидании еще неизведанных ужасов!

На этом историю уже можно и заканчивать, но я еще раз хочу поблагодарить всех этих людей за их помощь нашей семье, за мое воспитание, за мое обучение жизни и работе.

По повестке биржи труда я устроился в одно военное учреждение, куда меня охотно взяли к удивлению отца… На одном из предприятий этого учреждения работал и мой отец… Работа сразу мне понравилась и захватила меня полностью – ведь она касалась управления по радио торпедами, самолетами и катерами с эсминцев и подводных лодок… Словом, я совершенно случайно попал на любимое дело, на море, на флот, к морякам!

В. Г. Озеров. 1940-е гг.

Наша лаборатория из шести человек все время проводила за различными опытами на воде в Финском заливе, под водой в нем же и на итальянских и немецких гидропланах над ним же. Разрасталась шире и моя коллекция и записи в брультонах[94]…

Интересна дальнейшая судьба нашей шестерки из лаборатории: начальник Сергей Иванович Вокресенский, милейший и образованнейший человек, был замучен в тюрьме за отказ подписать признание в том, что он был вредителем и участвовал в группировках; Николай Александрович Гиляров погиб почти таким же образом; Егише Асатурович Тер-Маркарьянц, также милейшая личность и талантливый инженер-грузин, был еще в мою бытность в начале 1931 года «на минуточку вызван из лаборатории» – больше его никто из нас и родственников никогда не видел; Александр Николаевич Макушев умер в 1932 году в Москве от чахотки; Леонид Иванович Антонов, инженер-механик флота, прикомандированный к нашей лаборатории, уцелел и даже получил в 1955 году орден Ленина и еще не так давно был жив в чине контр-адмирала. В отставке он

жил на большой Подъяческой улице в Ленинграде.

Работая на Флоте, я встречался со многими отличными учителями и хорошими людьми и благодарен им за науку, за воспитание, за расширение кругозора. Я мог бы еще рассказать о встречах с Фрунзе в 1926 году (в год его смерти), с Ворошиловым и Буденным на Балтике на эсминце в 1928 году, с ними же позже при подъеме подводной лодки «Л-55».

Я хочу сказать большое спасибо командиру посыльного судна «Микула» Михаилу Николаевичу Беклемишеву, командиру ледокола «Мороз» Васильеву, командиру линкора «Парижская Коммунна» Евгению Ивановичу Салмину, бывшему гвардейцу моряку Ребиндеру, добрейшей души человеку Николаю Дмитриевичу Тыркову, Григорию Александровичу Бутакову, Ивану Алексеевичу Шестунову, матросу Жану Иеньшу с парохода «Коммунист», водолазу Саше Богову и Петру Розову, инженеру Леониду Ивановичу Антонову, Сегрею Михайловичу Воскресенскому, Аркадию Александровичу Фонареву, Николаю Ивановичу Гилярову и многим другим: и наставникам, и учителям, и друзьям, и товарищам.

А главное, спасибо отцу моему, научившему меня работать и думать и быть всегда скромным человеком и любить всех людей.

Видимо, приведенных примеров вполне достаточно, чтобы понять, почему правда о Кронштадте и Балтийском флоте так трудна, тяжела и уже почти невозможна для наших дней… А афоризм Пруткова «Смотри в корень!», мне кажется, в данном случае разгадан также полностью…

г. Нарва, 1967 г.

notes

Примечания

1

Сиверс А. А. Родословие Озеровых // Известия русского генеалогического общества. Выпуск 4, СПб, 1914.

2

Озеров К. Г., Озеров Г. В. Правда о броненосце «Сисой Великий» (Цусима) – историческая хроника. Вильнюс, 2001.

3

15 декабря 1908 г. на Сицилии произошло одно из самых сильных землетрясений. Особенно пострадал город Мессина. Моряки русских кораблей спасли тысячи жителей города.

Николаевский проспект (бульвар) – ныне пр. Ленина.

5

«Двадцатка» – это так называемый «Совет двадцати», выделенный в 1917 г. 1-м Всероссийским съездом военных моряков. Председатель «Совета двадцати» – А. В. Баранов.

6

Имеется в виду Кронштадское восстание (мятеж) 1–18 марта 1921 г.

7

Литература о Кронштадтском мятеже, правдиво отражающая события того времени, появилась лишь в начале XXI в.

8

Пьеса Вс. Вишневского (1900–1951) «Оптимистическая трагедия» впервые была поставлена в 1933 году А. Я. Таировым. Всесоюзную славу пьесе принесла постановка в 1955 г., сделанная Г. А. Товстоноговым на сцене Академического театра им. А. С. Пушкина (ныне Александринский). В 1963-м режиссер С. Самсонов экранизировал пьесу с лучшими советскими актерами. В 1964-м некоторые сцены пришлось переснимать. В целом это был талантливый фильм, но полностью соответствующий идеологии КПСС.

9

Пароход «Буревестник», имея 404 пассажира на борту, вечером 29 августа 1926 года вышел Морским каналом из Ленинграда в Кронштадт, за штурвалом стоял помощник капитана. Навстречу шел немецкий пароход «Грета», который в соответствии с правилами дал гудок «обходи справа». «Буревестник» не ответил, и «Грета» дала еще гудок. Спохватившись, «Буревестник» резко дал «лево на борт», врезался в строившийся хлебный дол, получил пробоину, а затем дал задний ход и затонул. По неполным данным, погибло 59 человек.

10

Это одна из версий. Подробнее см. Никитин А. А. Возвращаясь «К вопросу о происхождении названия острова Котлин» // Цитадель № 13. 2006. С. 12–15.

11

В наше время годовщину справляли 18 мая 1954 года (250 лет), это примерно соответствует дате 7 мая 1704 г. *(Примеч. авт.)*.

12

Часть залива от устья Невы до Котлина стала называться «Маркизовой лужей» после едких насмешек над русской эскадрой под командованием маркиза де Траверсе, который, боясь шведского флота, не выводил ее до глубокой части залива, а «отстаивался» на мелководье. *(Примеч. авт.)*.

13

Пространство нынешней площади Кулибина (не путать с Козьим болотом на острове Котлин).

14

Первый поезд прошел по ледовой трассе 17 января 1881 г. Вагон 1-го класса обогревался камином.

15

Ч. Берд (1766–1843) – владелец Франко-Русского завода. Ныне – Адмиралтейские верфи.

16

Как курьез надо отметить, что построенное в первую пятилетку XX столетия специальное пассажирское судно «Пятилетка» проходила этот путь за 2 часа 55 минут! А оно предназначалось для замены старых колесных пароходов. *(Примеч. авт.)*.

17

Бритнев первым предложил и реализовал способ взламывания льда, при котором форма корпуса корабля позволяет ему забираться на льдину и проламывать ее своим весом.

18

Морской канал был создан усилиями известного предпринимателя Н. И. Путилова.

19

Сейчас мосту вернули самое первое название – Благовещенский.

20

Об убийстве Р. Н. Вирена – в главе Февральская революция.

21

Размеры доков даны по книге Крестьянинов В. Я. Кронштадт. Крепость, город, порт. СПб. 2002. С. 148.

22

«Из водоприемника вода поступала в колодец у Санкт-Петербургских ворот. Водоподъемный механизм, приводимый в действие ходившими по кругу двумя лошадьми, подавал воду в магистраль, вдоль которой находилось 11 колодцев. Вода подавалась также в госпиталь и морские казармы». Цит. по Крестьянинов В. Я Кронштадт. Крепость, город, порт. СПб. 2002. С. 66.

23

Историки приводят весьма противоречивые данные о потерях штурмовавших Кронштадт.

24

Чугунные мостовые впервые появились в Америке. Великий князь Константин Николаевич в 1860 г. приказал в качестве опыта замостить такими плашками одну из улиц Кронштадта. В 1862–1864 гг. чугунные мостовые были оборудованы на нескольких улицах. В 1974–1975 гг. фрагменты чугунной мостовой восстановлены на улице Октябрьской и вдоль Якорной площади.

25

Известно, что дед автора А. Ф. Ушаков пожертвовал для собора Св. Андрея Первозванного бронзовое вызолоченное паникадило. А также в день торжества освящения Церкви Святой Великомученицы Анастасии Узорешительницы 148-го пехотного Каспийского полка, которое состоялось 5 июня 1903 года в присутствии императора Николая II и императрицы Александры Федоровны, он вручил полку «роскошный Образ-Складень с изображениями». В адрес-календарях Санкт-Петербурга А. Ф. Ушаков указывается также как попечитель сиротских домов.

26

Андреевский собор трижды перестраивался. Первоначально он имел форму прямоугольника и вместе с четырехярусной колокольней походил на корабль с мачтой. К началу XX в. здание имело форму креста. В 2002 г. на месте разрушенного храма установлен памятный камень с надписью «Пусть камень сей вопиет к нашим сердцам о восстановлении поруганной святыни». А совсем недавно рядом была построена часовня.

27

С. Я. Надсон в 1882–1884 гг. служил в расквартированном на острове Каспийском полку.

28

В. Г. Короленко жил в Кронштадте в 1876–1877 гг., а в 1886-м в Кронштадте в семье морского врача родился Н. С. Гумилев.

29

Отец Иоанн Кронштадский (Иоанн Ильич Сергиев, 1829–1908) после окончания духовной академии был направлен в Андреевский собор в Кронштадте. Исключительные качества проповедника, необыкновенная сила слова привлекали массы людей. Проповеди и личный пример отца Иоанна находили отклик в самых дальних концах России. На его имя приходило немало пожертвований и на эти средства в Кронштадте был открыт Дом Трудолюбия – необыкновенный пример заботы о ближнем.

30

ООО «Издательско-Торговый Дом «ОСТРОВ» готовит к печати книгу В. Ф. Ткаченко «Форт «Тотлебен», которая выйдет летом 2011 г.

31

Автор неспроста называет «Красную Горку» крепостью. Этот мощнейший форт действительно был настоящей крепостью. Подробнее см. Ткаченко В. Ф. Форт «Красная Горка». СПб. 2007.

32

Батарея Пумола, как форт «Серая Лошадь», предназначалась для предупреждения главных фортов – «Ино» и «Красная Горка» – о приближении неприятеля и своим огнем давала им возможность подготовить к стрельбе 305-мм орудия главного калибра.

33

Крейсер «Олег» был потоплен английским торпедным катером в 1919 г.

34

Восставшим угрожал от имени Комитета обороны Петрограда председатель Комитета труда и обороны Петрограда Г. Е. Зиновьев (Апфельбаум): «Вы окружены со всех сторон. Пройдет еще несколько часов, и вы вынуждены будете сдаваться. У Кронштадта нет хлеба, нет топлива. Если вы будете упорствовать, вас перестреляют, как куропаток». Повторное предложение Л. Д. Троцкого (Бронштейна) Кронштадту капитулировать сопровождалось угрозой в случае нового отказа истребить все мятежное население в возрасте от 9 до 50 лет. За подписью Л. Д. Троцкого и главнокомандующего Л. Б. Каменева (Розенфельда) был издан приказ, предписывающий «в тяжелый момент принимать тяжелые меры: каждому красноармейцу, командиру, комиссару немедля уложить на месте всякого, отказывающегося повиноваться или сеющего ложные слухи». См. Марк Вишняк. На родине: Кронштадт [очерк] // Современные записки. 1921. Кн. IV. С. 347–372.

35

Портовое судно «Копанец» было построено на Ижорских заводах специально для пристрелочной станции Копенского озера. Водоизмещение – 100 т. Размерения: 25,3 × 5.3 × 1,8 м. Спущен в 1913 г.

36

Миноносец № 113 (до 1895 г. – «Гапсаль») спущен на воду в 1891 г. на Путиловской верфи.

37

Подвесная дорога приводилась в действие электромоторами.

38

Минно-пристрелочная станция на Копенском озере построена Обуховским заводом в 1908 г.

39

Железобетонным было только основание станции.

40

Во второй половине XIX в. в Петербурге на Невском, 15 размещался табачный магазин, принадлежавший Бостонжогло.

41

Сторублевая купюра с изображением Екатерины II.

42

Ныне Щебетовка.

Соревнования планеристов и дали второе название этому месту – Планерское.

Самая высокая точка Кара-Дага – гора Святая высотой 577 м. Гора Ай-Петри имеет высоту 1232 м, но это уже Крымские горы.

45

Церковь построена в честь святого Иоанна Крестителя. Миниатюрная церковь дала название островку, который на средневековых картах обозначался как мыс святого Иоанна. В XIX в. Это название тюркизировалось и превратилось в Иван-баба́, что по-татарски обозначает Иван-отец.

Караимы, будучи по языку, фольклору, традициям тюркским народом, традиционно исповедовали караизм – религию, родственную иудаизму. В связи с этим имеется несколько версий происхождения караимов: «хазарская», «еврейская» и др.

47

Турецкий флот был усилен линейным крейсером «Гебен» и легким крейсером «Бреслау». На них были подняты турецкие флаги и корабли переименовали: «Гебен» – в «Явуз Султан Селим», «Бреслау» – в «Мидиллие».

48

В 1915 г. в строй вступили линкоры «Императрица Мария» и «Императрица Екатерина Великая».

49

29 октября 1914 г. крейсер «Гамидие» в 6.30 подошел к Феодосии и в течение часа обстреливал город. В результате в районе порта были разрушены склады, а на вокзале разрушена водонапорная башня. При возвращении в Босфор «Гамидие» потопил русские пароход и парусник.

50

Командующим Черноморского флота был адмирал А. А. Эбергард. 28 июня 1916 г. его сменил А. В. Колчак.

51

Тапиока – крахмалистая крупа, получаемая из корней маниоки.

С вестовым Виктором Любинецким.

53

Николай Мануилович Озеров (1891–1916). Награжден в 1916 г. орденом Анны 4 ст. «За храбрость».

Хорошо помню, как однажды папа пришел домой очень грустный и рассказал, что на море погиб эсминец «Лейтенант Пущин», на котором плавал его брат Николай. Это была первая жертва войны в нашей семье. *(Примеч. авт.)*. В 2010 г. на дне Черного моря обнаружен эсминец «Лейтенант Пущин». Русские и болгарские дайверы предполагают продолжить его обследование летом 2011 г.

55

Возможно, имеется в виду варенец – топленка, топленое молоко, заквашенное сметаной.

56

В 1961 году мне пришлось побывать в мужском Печерском монастыре под Псковом. На братское кладбище монахов под землей в песчаных пещерах нас провожал монах-послушник 16 лет – черный красивый грек из Феодосийского монастыря. Разговорились, и он рассказал мне, что его послали на послушание перед монашеским званием на четыре года и вот он уже кончает второй здесь в Печорах, а потом поедет в Красноярский в Сибири и после этого в свой родной Феодосийский. Не знаю, передал ли он мой привет Феодосии и монастырю, но во всяком случае я тоже рассказал ему о своем детстве и как бывал в их соборе. *(Примеч. авт.)*

57

Из послужного списка Г. М. Озерова известно, что 18 мая 1915 г. «за отлично усердную службу и труды, понесенные во время военных действий, произведен в старшие лейтенанты». Ранее, 31.03. 1908 г. Приказом по морскому ведомству ему было объявлено монаршее благоволение за быстрое образование молодых матросов. Г. М. Озеров был кавалером Св. Станислава 3 ст., Анны 3 ст. с мечами и бантами (1915 г.), Св. Станислава 2 ст. (1912 г.) РГАВМФ. Ф. 906. Оп. 9. Д.2986.

«Краб» участвовал в нескольких минных постановках. Однако некоторые недостатки конструкции не позволили использовать подводный минный заградитель в полной мере. В 1930-е гг. поднят ЭПРОНом и не восстанавливался.

59

Такое имя в русском прокате имел французский комик Андре Дид.

60

13–15 февраля 1916 г. Русская Кавказская армия под командованием Н. Н. Юденича разгромила 3-ю турецкую армию и захватила стратегически важный город Зрзурум (Эрзерум), открыв дорогу вглубь Турции.

61

В январе 1916 г. 1-я особая пехотная бригада была отправлена на Дальний Восток. Оттуда на французских пароходах доставлена в Марсель. Всего во Францию было отправлено четыре пехотных бригады. Русские части участвовали в сражении при Вердене.

62

Японцы продали России броненосцы «Пересвет», «Полтава» и крейсер «Варяг».

63

Контр-адмирал М. В. Озеров скончался в 1919 г. и был похоронен в Белевском Спасо-Преображенском монастыре. Известно, что в 30-е годы все надгробия бывшей белевской знати и священников «столкнули под речку и стали там огороды разбивать. Внутри монастырского кладбища сараев нагородили, свиней, кур пустили, или так, для отхожих мест времянки». *(Примеч. К. Озерова).* См. Иеромонах Герасим. Белевский Спасо-Преображенский монастырь. М.: Старая Басманная, 2009.

После моего жития в Крыму в 1914–1917 годах мне не удалось больше попасть в Двухякорную бухту, но в один осенний вечер 1941 года, через 23 года, я увидел ее под ураганным огнем «мессершмиттов»… Мы должны были зайти за Феодосийский порт, но огонь немцев был так силен, что подступиться не удалось, и под покровом наступающей ночи мы повернули и ушли в далекое море, и после поворота на обратном пути с борта теплохода «Абхазия» я увидел и бухту, и некоторые строения на берегу… И хоть было тогда не до воспоминаний, но я все же с удовольствием взглянул, видимо, в последний раз на места, где когда-то провел немало счастливых дней своего детства. *(Примеч. авт.)*.

65

Моя мама, урожденная Ушакова Ольга Алексеевна, родилась в 1888 году в городе Кронштадте, в семье купца 2-й гильдии Алексея Федоровича Ушакова. Он умер в 1913 году, и я смутно помню его похороны и прощание с ним. Помню гроб с телом деда и как целовал его в венчик на лбу… Дед с бабушкой жили на Николаевской улице рядом с почтой. Мы в то время жили уже не на Николаевской, центральной улице, а у «стрельбища» в доме Голубева. Стрельбищем именовался в те времена военный полигон в центре города, куда ходили части для упражнения в стрельбе из винтовок. Дед мой по матери был женат на Елене Александровне Лебедевой. Бабушка прожила после деда еще семь лет и умерла от голода в 1920 году в той же квартире. Ее я помню очень хорошо, она всегда была веселой, отлично играла на рояле и еле-еле сводила концы с концами, ухитряясь еще помогать и обоим сыновьям и моей матери. *(Примеч. авт.)*.

В г. Кронштадте до сих пор сохранился трехэтажный дом Е. А. Лебедевой (современный адрес – Ленинский пр., д. № 35).

Высота над уровнем моря здесь немного больше, чем в других частях города, хотя невооруженным взглядом это практически незаметно.

68

В 1917 году полковник Константин Константинович Бочковский, представитель старинного дворянского рода, сразу же перешел на сторону Советской власти и был направлен командиром артиллерийской дивизии на борьбу с Калединым. Он активно участвовал в боях с белогвардейцами и интервентами, получил звание героя труда по армии, несколько наград и именные часы от командующего южным фронтом. В 1922 году приехал обратно в Кронштадт и был назначен заведующим артиллерийскими мастерскими и складами всех сухопутных частей крепости. В 1926 году ушел по старости в отставку и переехал в Ленинград. Умер он от склероза сердца в 1930 году у меня на руках. *(Примеч. авт.)*.

69

Эта школа была частной, платной и называлась Мурашовской по фамилии державших ее семи старых дев – учительниц. Все учительницы были сестры между собой с одним отчеством – Никифоровны. *(Примеч. авт.)*.

70

«Во время февральских беспорядков волна насилия прокатилась по всему комплексу балтийских баз. В общей сложности от рук собственных матросов погибли 76 морских офицеров». Из кн.: Эврич П. Восстание в Кронштадте. 1921 год. М., 2007. С. 63. В самом Кронштадте погибло 39 человек. (Крестьянинов В. Я. Кронштадт. Крепость, город, порт. 2003. С. 92).

71

Ныне г. Шахты.

72

Мой любимый дядя Миша был много раз ранен, приезжал по выздоровлении в отпуск в г. Кронштадт и дарил мне массу оловянных солдатиков, в которые я с увлечением играл с мальчишками *(Примеч. авт.)*.

73

Согласно следственному делу в архиве УФСБ №П-19809 Г. М. Озерова арестовывали в 1923 г. за участие в мятеже форта «Красная Горка» (6 лет условно), в 1930 г. (10 лет, с досрочным освобождением) и последний раз в 1937 г. *(Примеч. К. Озерова)*

Г. М. Озеров был приговорен к высшей мере уголовного наказания с конфискацией всего личного имущества 23 февраля 1938 года и в тот же день был расстрелян. Из следственного дела № №П-19809 известно, что Г. М. Озеров «признался» в том, что является участником антисоветской, контрреволюционной, диверсионной, вредительской, шпионской, военно-фашистской, террористической организации, связанной с Тухачевским, Гамарником, Орловым. Г. М. Озеров якобы был завербован, потому что вербовщики знали его «как бывшего дворянина и офицера царского флота, враждебно настроенного к существующему строю». Его жена, Ольга Алексеевна, умерла от побоев 28 августа 1938 года в областной тюремной больнице Газа *(Примеч. К. Озерова.)*

75

Каникулы.

76

Юдофобские настроения в мятежном Кронштадте отмечены многими исследованиями. Одним из требований восставших в 1921 году было «Советы без коммунистов и евреев». Причину антисемитизма Пол Эврич объясняет следующим образом: «Многие из балтийских моряков были родом с Украины и из западных приграничных областей – центров антисемитизма в России». С. 176. Тот же П. Эврич указывает: «Согласно советским источникам, Петриченко был ярым националистом, за что товарищи прозвали его «Петлюрой» (…) По свидетельству Петриченко, три четверти Кронштадского гарнизона были выходцами с Украины». С. 95.

Подробнее о формировании мировоззрения матросских масс см. Елизаров М. А. Матросские массы в 1917–1921 гг.: от левого экстремизма к демократизму. СПб. 2004.

Со 2 ноября 1918 г. – Коммунистическая улица.

79

Прогимназия (от лат. pro – перед и гимназия) – общеобразовательное учреждение в Российской империи с программой младших классов гимназии.

Имеется в виду операция «Альбион» германского флота по захвату Моонзундского архипелага. В нашей литературе эти бои, в которых героически проявил себя российский флот, именуются Моонзундским сражением.

81

Со 2 ноября 1918 г. – Октябрьская улица.

Золотник – 4,26 грамма.

В данном случае, видимо, имеется мука, которую добавляли в небольшом количестве в суп «для сытости».

«Один из очевидцев событий (Ф. М. Яковлев), находившийся в мятежной тюрьме, сообщал, что всего арестовано было 53 человека, в том числе один беспартийный. Из книги Семанов С. Н. Кронштдатский мятеж. М.: Эксмо. 2003. С. 183. (Г. М. Озеров остался беспартийным всю жизнь. Прим. К. Озеров).

85

«Как заметил один обозреватель, против народа боролись коммунисты и инородцы». Из кн.: Эврич П. Восстание в Кронштадте. 1921 год. М., 2007. С.190. Необходимо отметить, что в Красной армии, части которой готовились подавить восставших, «очень плохо было с обмундированием. Так, например в 499 пехотном полку 25 % красноармейцев ходили в валенках, а 50 % – даже в лаптях». Из книги Семанов С. Н. Кронштадтский мятеж. М. 2003. С. 227. Зато коммунистов в части было прислано, по данным С. Н. Семанова, 2758 человек.

86

«17 марта около 5 часов вечера, когда в Кронштадт ворвались советские войска, и сражение вступило в решающую стадию, ревком, собравшись на свое последнее заседание, постановил расстрелять арестованных коммунистов. Сделать это не успели только потому, что советские части неожиданной атакой заняли здание тюрьмы». Из книги Семанов С. Н. Кронштадтский мятеж. М. 2003. С. 189.

Г. М. Озеров отмечен Приказом Реввоенсовета Балтфлота от 13 мая 1922 г., назвавшего Героями Труда Красного Флота тех военных моряков, «кто проявил максимум любви к флоту и не щадил своих сил в деле его воссоздания».

88

Исследователь Пол Эврич также считает, что официальные источники 20-х годов, говорившие о 127 убитых и 3285 раненых, явно занижали реальные цифры потерь. Он осторожно указал, что «согласно другим данным, потери большевиков составили 25 тысяч убитыми и ранеными». Из кн.: Эврич П. Восстание в Кроштадте. 1921 год. М. 2007. С. 205. Тот же Пол Эврич упоминает и следующее: «После подавления восстания лед был усеян телами, и правительство Финляндии обратилось в правительству России с просьбой убрать тела, до того как расстает лед, иначе трупы прибьет к берегу и может начаться эпидемия». С. 204.

89

«Ходили слухи, что несколько сотен заключенных расстреляли в Кронштадте. Остальные ЧК отправила в тюрьмы на материк. Тюрьмы в Петрограде были переполнены, и в течение нескольких месяцев сотни мятежники были расстреляны». Из книги кн. Эврич Пол «Восстание в Кроштадте. 1921 год. М., 2007. С.208. Любопытно, что исследователь Семанов С. Н. приводит свидетельства уцелевших матросов, что «жестоких кар в отношении пленных матросов в Кронштадте не было». Семанов С. Н. Кронштадтский мятеж. М.2003. С. 244. В. Я. Крестьянинов говорит об обратном: «На самом деле расправа была жестокой и массовой». Он приводит документальное свидетельство о том, что «в качестве обвиняемых было привлечено 10 026 человек». Из них 2103 человек приговорены к расстрелу. Более того, В. Я. Крестьянинов указывает, что, по воспоминаниям старожилов, вечером 18 марта 1921 г. пленные были построены на Усть-Рогатке в одну шеренгу и каждый второй был застрелен на месте. Из книги В. Я. Крестьянинов «Кроштадт: крепость, город, порт., СПб… 2002. С.104.

90

Василий Мануилович Озеров (1882–1920). Командир миноносца «Прыткий» в 1912–1914 гг. Перешел на сторону Советской власти. С 1918 г. начальник Одесского порта.

91

Полное название – форт «Император Павел I».

Эта версия взрыва весьма противоречива и требует внимательной проверки. Соответствующий комментарий будет дан в альманахе «Цитадель» № 19.

93

Г. М. Озеров работал инженером завода «Двигатель» (1923–1929), главным инженером (1929–1930), сотрудником Остехбюро (1932–1937).

Правильнее – брульон (broullion – франц.) – черновик.